

Ведьма в белом халате

Автор:

Александра Лисина

Ведьма в белом халате

Александра Лисина

Звезды романтического фэнтези

Испокон веков рядом с людьми жили кикиморы, лешие, вампиры, оборотни, домовые. Долгое время мы скрывали свое существование, но со временем магия, как и человеческие технологии, достигла такого уровня, что прятаться по лесам и подземельям стало невыгодно. Теперь, благодаря заклинаниям, мы свободно живем среди людей: в городах, бок о бок с вами, хотя вы об этом не подозреваете. И мы так же, как все, работаем, пользуемся интернетом. У нас даже полиция своя есть! И, конечно же, собственная медицина, о которой я, Ольга Белова, знаю не понаслышке. Ведь по профессии я врач. Хотя чаще меня называют ведьмой в белом халате.

Александра Лисина

Ведьма в белом халате

© А. Лисина, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

– Итак, коллеги, начнем, – сказала я и обвела строгим взором столпившихся в вестибюле студентов. – Меня зовут Ольга Николаевна. И на сегодня я – ваша мама, папа, гид, надсмотрщик и, если понадобится, инквизитор, имеющий индульгенцию на ваше сожжение в том случае, если вы меня разозлите. К сожалению, у вашего преподавателя сломалась машина, поэтому сегодня именно я покажу вам, как работает наше лечебное учреждение. Только, чур, от меня не отставать, вперед не забегать и руками ничего не трогать, пока не разрешу. Договорились?

Студенты медицинского университета, которых насчиталось целых двенадцать штук, вразной закивали. Четыре паренька и восемь девочек, которых этим утром к нам прислали на практику. Совсем еще юные, симпатичные, такие смешные в белых халатиках, криво сидящих шапочках и бахилах. И кто вообще придумал отправлять детей на практику за две недели до Нового года?

Я еще раз глянула на будущих коллег. Убедилась, что они поняли меня правильно, и двинулась прочь, оглашая коридор цокотом острых каблучков. Студенты посеменили следом, с любопытством оглядываясь по сторонам.

– По правую руку от вас находится приемное отделение, – бросила я, махнув в сторону закутка с одной-единственной дверью, где виднелась табличка с надписью: «Приемный покой». – Сюда прибегают, приходят, а иногда даже приползают больные, которые считают – иногда по совершенно непонятным причинам, – что им необходима медицинская помощь.

– А почему на двери нарисованы череп и перекрещенные кости? – боязливым шепотом спросила одна из девочек.

Я отняла от груди папку с историями болезни, которую еще полчаса назад надо было занести в ординаторскую, но, увы, на полпути меня застал врасплох звонок шефа. А затем повернула ее так, чтобы дети увидели тисненую эмблему в правом верхнем углу.

– Это неофициальный знак нашего лечебного учреждения. Он символизирует плачевные последствия несвоевременного обращения к врачу и напоминает пациентам, что все они смертны.

- А цифра шестьсот шестьдесят шесть на документах тоже что-то означает?

- Разумеется. Ровно шестьсот шестьдесят шесть лет назад госпожа Беллатриса де Яга, которую в те времена совершенно несправедливо считали черной ведьмой, создала прототип лечебного учреждения, которое сейчас носит название «Клиника Святого Варфоломея». В этом году мы как раз отпраздновали юбилей. Идемте дальше.

Широкий коридор вновь огласился цокотом моих шпилек.

- Слева от вас находится комната дежурного врача, санпропускник, а также служебные помещения.

- А почему тут никого нет? - поинтересовался кто-то из студентов, с любопытством заглянув в приоткрытую дверь санпропускника. - Неужели у вас так мало пациентов?

Я глянула на часы.

- Сейчас четверг, восемь утра. Обычно пациенты начинают поступать позже.

- Почему? - спросил все тот же любознательный студент.

- Потому, молодой человек, что ночью даже нелюди предпочитают спать. Те, кто умудрился вляпаться в неприятности этой ночью, уже находятся в дежурной клинике. Наша смена начинается с половины девятого, так что полчаса времени у нас еще есть.

Пройдя дальше по коридору, я привела студентов в просторный холл.

- Коридор налево ведет в рентгенологическое отделение, коридор направо - в лабораторию, лестница прямо - на второй этаж, где находятся палаты, перевязочные и операционные.

- А на третьем?

- Административные помещения, но мы с вами туда не пойдем.

Неожиданно из левого коридора, перекрытого тяжелой металлической дверью, раздались смех и приглушенные голоса. Дойдя до двери, я решительно ее толкнула, какое-то время изучала творящееся за ней безобразие, а затем открыла створку настежь, чтобы вытягивающим шею студентам тоже было видно.

– Обратите внимание, коллеги, чем занимается в рабочее время коллектив нашей клиники. Вместо того чтобы прилежно сидеть в кабинетах и ждать больных, они изволят делать селфи для Инстаграма.

Говорила я достаточно громко, поэтому собравшиеся коллеги, в числе которых были сразу пять дежурных врачей, семь медсестер, четыре санитарки и даже один регистратор, дружно обернулись. В руке регистратора Димки, как по волшебству, появился фотоаппарат, а сам Димка расплылся в широкой улыбке.

– Ольга Николаевна, это не селфи, а общая фотография для журнала!

– Какого, к черту, журнала? Шеф считает, у нас мало работы?

– Ничего вы не понимаете. Это же рек-ла-ма. Для привлечения инвесторов. Идите к нам. Вы станете украшением обложки!

– Еще не хватало. Я ведьма, а не модель, – фыркнула я.

– Ну хотя бы помогите, а то мы уже замучились удачный ракурс искать. То у одного глаза закрытыми выходят, то у второго улыбка кривая...

Оставив студентов мяться у дверей, я подошла к Димке, как раз примеривающегося сделать очередной снимок, и, оглядев неестественно лыбящихся в камеру коллег, покачала головой.

– Скажите «сы-ы-ыр», – протянул паренек, прищурив один глаз.

– Дим, ну что ты как маленький? Надо им сказать что-нибудь по-настоящему смешное. Например, «зарпла-а-ата»...

Народ гоготнул, а фотоаппарат радостно сверкнул белой вспышкой. В этот момент двери в противоположном конце коридора с грохотом распахнулись, и оттуда вышел шеф: высокий, худой, изрядно немолодой и вечно хмурый некромант в строгом черном костюме, поверх которого был небрежно наброшен белый халат.

– Ольга! – при виде меня его темные глаза сузились, а мохнатые брови сошлись на переносице. Обычно это означало, что будет гроза. Но внезапно Юрий Иванович Черный, или попросту Чуи, как мы за глаза его называли, заметил выглядывающих из холла детей и поправился: – Ольга Николаевна! Что опять за инсинуации я слышу в сторону заработной платы? Вы считаете, наши сотрудники мало получают?

Я сделала скорбное лицо.

– Юрьиваныч, я уже который год пытаюсь вам на это тонко намекнуть. Но вы упорно делаете вид, что ничего не замечаете, поэтому все мои послы пропадают в недрах вашего большого и прекрасно обставленного кабинета. А между тем сотрудники едва сводят концы с концами. Даже спецодежду им не выдают. Безобразие!

– Ольга!

Глаза шефа метнули молнии, но я лишь демонстративно приподняла полу своего короткого халатика, из-под которого выглядывала строгая, до колен, черная юбка-карандаш.

– Вот видите, в чем мне приходится ходить?

В моих глазах появились вселенская скорбь и всемирной укор, который должен был разжалобить шефа и хотя бы на пару десятков тысяч рублей поднять мне оклад. Но увы, некромант опять не повелся. Наверное, ему не понравились нарисованные на юбке человеческие черепа. Или же он вспомнил, что выглядывающие из глазниц, выдвигаемые, как у «чужих», челюсти могли из вредности кого-нибудь цапнуть.

– Ольга Николаевна... – тяжело посмотрел на меня Юрий Иванович, и его глаза еще больше потемнели. – Ну-ка, зайдите ко мне в кабинет.

– Не могу. У меня занятие, – с достоинством сообщила я и, вручив стоящему поблизости травматологу папку с историями болезни, выпорхнула за дверь.

Столпившиеся за ней студенты неловко потупились, когда я одернула халат и, приняв вид строгой воспитательницы, двинулась к лестнице. А уже на втором этаже, остановившись у входа в отделение, указала на убегающий в бесконечность коридор и пояснила:

– Справа находятся палаты. В обычные дни их двадцать, но на время дежурств мы разворачиваем дополнительное пространство и увеличиваем размеры отделения вдвое. Палаты небольшие, на двух-трех человек. Есть пара одноместных, для богатых клиентов. Плановых больных у нас немного – нелюди, как вы знаете, практически не болеют. А вот травм, переломов, порезов, случайных и не очень ранений хватает, поэтому отделение у нас, в основном, хирургического профиля.

– А простые смертные у вас лечатся? – задала забавный вопрос одна из девочек.

Я усмехнулась.

– Нет. Люди о нас не знают. А для тех, кто знает, существуют обычные больницы. Пойдемте, я познакомлю вас с отделением. Только сумки оставьте у входа, нечего грязь сюда нести. И проверьте бахилы – если у кого-то порвались, надо будет сбегать вниз, сменить.

Минут через пять я уже шла по коридору, звонко цокая каблучками.

– Это вход в операционный блок, где есть три операционные, палата реанимации и отдельная палата для платных больных. Они уже полностью развернуты, но делать там еще нечего. Рядом находятся две перевязочные: чистая и гнойная, процедурный кабинет... Яна, привет, ты почему не на фотосессии? – я на мгновение заглянула внутрь и приветливо кивнула совсем еще молоденькой оборотнице в кокетливом белом колпачке и обтягивающем костюмчике.

– Так дела, Ольга Николаевна, – улынулась оборотница и показала на целую батарею заряженных капельниц. – Если не сделаю сейчас, потом будет некогда.

Я понимающе хмыкнула и двинулась дальше.

- Чуть дальше находится медицинский пост, по уже известной вам причине тоже пустой, потом душевые, уборные, санитарная комната, клизменная...

- Не надо! - вдруг раздалось из-за двери, когда мы проходили мимо клизменной. - Зачем делать клизму, если у меня перелом?!

Следом раздался скрип отодвигаемой кушетки и увещевающий голос медсестры. Надо же, похоже, Инна тоже проигнорировала общебольничную фотосессию и предпочла ей работу, что было похвально.

- Альберт Станиславович, помимо перелома ребер, у вас легкое сотрясение головного мозга и проникающее ранение брюшной полости.

- Оно было вчера! - громогласно взвыл пациент. - Я уже здоров!

- Вы были бы здоровы, если бы соблюдали режим. Но вы слишком рано встали после операции и изволили наесться на ночь, хотя вам было строжайше запрещено употреблять пищу на протяжении суток. Доктор на обходе сказал, что рана плохо заживает и, скорее всего, скоро откроется внутреннее кровотечение. Поэтому я должна подготовить вас для повторного вмешательства.

- Но повязка была сухой!

- А диагностическое закливание показало наличие кровопотери... слава богу, незначительной. Но если промедлить, у вас возникнут осложнения.

- Все равно я больше не буду делать клизму! Хватит! Второй раз лишить себя девственности не дам!

Я со вздохом открыла дверь и воззрилась на молодого взъерошенного парня с роскошной мускулатурой, которой мог бы позавидовать даже бывший губернатор Калифорнии. Рослый, почти на голову выше меня, заросший до бровей и одетый в одни только узкие плавки оборотень. Бугрящиеся на груди мышцы выглядели устрашающе, особенно когда загнанный в угол молодой волк

поставил тяжеленную кушетку вертикально и, используя ее на манер щита, попытался отгородиться от приближающейся медсестры.

Нет, маготехника не дошла до таких высот, чтобы избавить пациентов от ряда неприятных процедур. Да, правила предоперационной подготовки для хирургических больных за последние десятилетия практически не изменились. Поэтому бедному волчонку придется смириться с неизбежным, тем более что я лично на прошлом дежурстве штопала этого лохматого дурака, умудрившегося сдуру попасть под бензовоз.

– Альберт, – вкрадчиво сказала я, и волк непроизвольно сжался. – Ты опять игнорируешь предписание лечащего врача? Мне сообщить твоему отцу, где ты сейчас находишься?

– Не надо, Ольга Николаевна! – неожиданно взмолился здоровенный, почти на голову выше меня детина, которому на днях исполнилось пятнадцать. Но оборотни все такие. Физиология у них особенная. И даже этот сопляк мог в бараний рог согнуть любого качка. – Пожалуйста, только не говорите отцу!

– Помнится, мы с тобой эту тему уже обсуждали...

Рослый оборотень понурился.

– То, что ты проголодался, ни в коем разе не является оправданием. Поэтому, если через пятнадцать минут ты не будешь готов к операции, я набираю номер твоего отца и сообщаю, что ты находишься вовсе не на даче у друга, а зализываешь раны у меня в отделении. Просто потому, что на днях перебрал спиртного и решил не уступать дорогу бензовозу.

У парня обреченно опустились плечи: дисциплина в семьях оборотней была железная, поэтому, если начальнику одного из столичных ведомственных управлений станет известно, как и где провел прошлую ночь его старший сын, Альберту будет грозить знатная головомойка. В пьяном виде на спор играть с друзьями в догонялки на федеральной трассе, да еще и проиграть каким-то котам...

Кушетка с визгом проехала ножками по кафельному полу и со стуком встала на свое законное место.

– Ладно, – уныло вздохнул Альберт. А потом угрюмо зыркнул на медсестру: – Только пусть она выйдет! Я все сделаю сам!

Я кивнула Инне, и та, усмехнувшись, удалилась, оставив не востребованную клизму сиротливо лежать на подоконнике. Как только она ушла, я щелкнула пальцами. Клизма тут же взвилась в воздух. Молодой волк, на волосатом животе которого красовалась тугая, уже начавшая пропитываться кровью повязка, снова вздохнул.

– Я сам... можно?

Я пожала плечами и вышла, прикрыв за собой дверь. Но еще успела услышать скрип потревоженной кушетки и эротичный женский голос:

– Здравствуйте. Вас приветствует бюро современных маготехнологий. Предлагаем воспользоваться услугами нашего прибора «Клизма летающая, модель УЙ-1» с удлиненным самосмазывающимся наконечником. Ультрамодный дизайн, удобный интерфейс, никакого дискомфорта. Летающая клизма сделает все сама. Чтобы правильно воспользоваться прибором, лягте на левый бок...

– Доктор Белова! – неожиданно прокатился по отделению механический голос. – Пройдите, пожалуйста, в приемное отделение!

Я вздохнула.

Ну вот и смена началась. Скоро тут опять начнется дурдом. Одного привезут, другого увезут, потому что тяжелыми черепно-мозговыми травмами, инфарктами и инсультами мы не занимаемся. Еще одного надо будет со всех ног бежать оперировать. Только из одной операционной выйдешь, как тут же позовут в другую, потом у кого-нибудь рана откроется. Кому-то придется срочно заказывать кровь редкой группы. И так целый день. С тех пор, как в нашем районе осталась лишь одна больница для нелюдей, работать стало совсем тяжело. Хорошо, хоть не сказали по громкоговорителю «срочно». Значит, прибывший первым пациент не испустит дух в ближайшие полчаса.

– Так, – я развернулась к притихшим студентам. – Сейчас я отведу вас в одно замечательное место. Вы там посидите, почитаете или просто поговорите с

нашим самым знающим сотрудником. А я, как освобожусь, отпущу всех по домам.

Снаружи послышалась сирена «Скорой», и я заторопилась. Почти бегом спустилась в подвал, протащила с трудом поспевающих детей по выложенному белоснежным кафелем коридору. Затем толкнула отчаянно скрипучую дверь с надписью «морг» и, заскочив внутрь, гаркнула:

– Саны-ыч, выручай!

Сидящий на секционном столе большой рыжий кот вперил в меня хитро прищуренный взгляд.

– И что, позволь спросить, у тебя случилось на этот раз?

Я отступила от двери, пропуская внутрь неуверенно озирающихся студентов.

– Вот. Посиди с ними чуток. Расскажи что-нибудь интересное...

Кот окинул взглядом лежащее перед ним, накрытое белой простыней тело и задумчиво пошевелил усами. А затем поднял вверх правую переднюю лапу, продемонстрировал оторопевшим детям палец, откуда с громким щелчком выскочил острый коготь, и промурлыкал:

– Я им лучше покажу.

– Спасибо! – выдохнула я и стремглав выскочила за дверь. А из секционной вскоре полился размеренный, прямо-таки усыпляющий голос нашего штатного патологоанатома:

– Итак, дети, что вы знаете о вскрытии?..

Примерно через час, выкроив пару минут, я заскочила в морг снова, ничуть не удивившись, что оттуда по-прежнему доносился все тот же спокойный и размеренный голос Сан Саныча. Сам кот сидел на том же месте. Такой же невозмутимый, безусловно чистый, даже капельки крови не посадивший на безусловно белые «носочки» своих пушистых лап. Однако теперь перед ним

лежал идеально, как по учебнику, разделанный труп, а у стеночки стояли бледно-зеленые студенты, половина которых явно собиралась грохнуться в обморок.

Нет, это студенты или кто? Как они людей, то есть нелюдей, лечить будут, если от вида крови их тошнит?!

– Ребят, а вы вообще какой курс? – с подозрением осведомилась я, оглядев этих недо-медиков.

– П-первый, – мужественно выдавил из себя оказавшийся самым крепким паренек.

Я кашлянула.

– Ну что ж... Зато вы узнали весь путь, который проходят пациенты в любом лечебном учреждении. Так сказать, от входной двери до гроба. А теперь марш по домам. Занятие окончено.

Глава 1

– Так-так-так, – поцокала языком я, зайдя в палату под номером восемь. Пациентов в отделении я вела от и до не так уж часто, но, обнаружив знакомое имя в списках поступивших, не могла не зайти. – И кто это тут у нас объявился? Неужто опять с переломом?

Сидящий у окна в кресле-каталке молодой вампир повернулся и одарил меня клыкастой улыбкой.

– Здравствуйте, Ольга Николаевна, – он чуть ли не с гордостью продемонстрировал загипсованную до самого паха левую ногу. Гипс, правда, был временным, из специального быстро застывающего раствора, который можно было размочить и снять за пять минут. Но сам факт меня насторожил: раньше парню не требовалась иммобилизация. – Клевый, да?

Я фыркнула, выудила из папки историю болезни с именем Сергей Долгорукий, а затем мельком глянула на анамнез и результаты анализов.

– Сереж, это уже не смешно. Какой это по счету перелом за полгода?

– Седьмой, – ухмыльнулся вампир.

– И я так поняла, что останавливаться на достигнутом ты не собираешься...

Я быстро пролистала записи лечащего врача и, подняв взгляд на довольного нелюдя, мысленно покачала головой. И чего ему нейметя?

Вампиры, в отличие от оборотней, выделялись более хрупким телосложением и утонченной, несколько болезненной красотой. А еще они традиционно выбирали для себя творческие профессии. Художники, писатели, музыканты... в балете их было особенно много, поскольку при внешне изящном телосложении вампиры не уступали в силе оборотням, а природная грация помогала им создавать потрясающие образы на сцене.

Но Серега, вернее Сьерж де ла Роэно ин Даэро и еще как-то-там-много-непонятных-букв, двадцатилетний оболтус из аристократического рода, и единственный наследник огромной фармацевтической империи, к вящему неудовольствию отца, выбрал в качестве занятия не балет или музыку, а мотофристайл. Да-да, то полубезумное увлечение, где надо было не ездить, а аж летать на мотоциклах, прыгать с трамплинов и крутить в воздухе умопомрачительные кульбиты.

Само собой, при таком роде занятий – а всерьез опасным спортом Сережа увлекся лишь два года назад – наследник рода Даэро (в миру просто Долгоруких) регулярно получал какие-нибудь травмы. И поскольку вампиры слыли крайне увлекающимися личностями, то неудивительно, что за последние полгода это уже был седьмой случай, когда он обращался в нашу клинику.

– У тебя хоть ребра-то срослись с прошлого раза? – поинтересовалась я, глянув на дату последней выписки. Две недели назад. Я тогда была на выставке медицинского оборудования в Германии, и вампиром занимался Игорь, наш травматолог. Но вот опять этот упрямец откуда-то свалился, умудрившись заработать одновременно перелом левой бедренной кости и тяжелое сотрясение головного мозга. Если бы не знаменитая вампирская регенерация, лежать бы ему сейчас в коме. И на вытяжении заодно. Но Серега, пока сюда ехал, успел частично восстановиться, нейрохирурги сказали, что оперировать парня не надо, и теперь лишь от нас зависело, насколько правильно срастется бедренная кость и не появятся ли осложнения.

– А то! – в ответ на мой вопрос вампир жизнерадостно оскалился. Клыкастики вообще были компанейскими ребятами. При этом их можно было ранить и даже убить, но в определенные периоды жизни им действительно требовалась кровь. А еще они, как большинство живых существ, спокойно переносили солнце. Просто из-за высокой светочувствительности глаз гораздо лучше видели в темноте, чем при ярком свете, да и в целом ночной образ жизни наложил на их физиологию определенный отпечаток.

Я скептически оглядела нашего постоянного клиента.

– А что на это сказал отец?

– Буду я ему докладываться! – фыркнул Серега и осторожно пристроил ногу на специальную подставку. – Перебьется!

Я укоризненно покачала головой, а затем вынула из истории рентгеновский снимок, подошла к окну и, отдернув штору, глянула повнимательнее.

– Оскольчатый... Серез, это уже серьезно. И ты посмотри, как за этот месяц снизился уровень кальция в крови. Одной регенерацией тут больше не обойтись. Придется ставить штифт, и не один.

– Ну и что? – беспечно отозвался вампир.

– А потом снова резать ногу и убирать железки, когда срастется кость. Это еще неделя постельного режима и исключительно кровяная диета.

- Делайте что надо. Боли я не боюсь.

Я обернулась.

- А если бы это был позвоночник? Что-то мне подсказывает: в один прекрасный день ты свернешь себе шею на этом мотоцикле. И мы при всем желании не сумеем собрать тебя обратно.

Усмешка Сереги стала злой:

- Да и плевать. Кому я нужен?

Я улыбнулась и, отложив в сторону снимок, взъерошила короткие светлые волосы паренька. Вот же дуралей. Конечно, статус клыкастых уже лет сто как не определялся одной лишь длиной шевелюры, но постричься «под машинку» для наследника знатного рода и сейчас считалось неприличным. Не говоря уж о неподобающем для вампира хобби.

- Сереж, сколько пакетов крови Игорь Васильевич скормил тебе на этот раз, чтобы ты пришел в себя?

- Четыре, - отвел глаза паренек.

- Человеческой?

- Да.

- Плохо, - покачала головой я. - Если перестало хватать синтетической крови, значит, организм уже на пределе. Еще пара-тройка таких травм, и ты загремишь в реанимацию не на пятнадцать минут, как сегодня, а на две недели.

- Да кому какая разница, сдохну я или нет? - зло повторил клыкастик и мотнул головой, сбрасывая мою руку. Но я лишь погладила его снова.

- Мне есть разница. Я не хочу однажды сдавать твои останки на хранение Сан Санычу. И отец к тебе тоже равнодушен. Думаешь, кто поставляет нам

столько «синтетики» в холодильник? Да еще той самой группы, что нужна именно тебе?

Вампир непримиримо сжал зубы.

- Он считает, что я позорю семью! Он сказал, что мое увлечение неприемлемо! И я веду недостойный образ жизни! А что я, в балеруны должен был пойти, как некоторые?! Да меня от этих их лосин тошнит! Даже больше, чем от пуантов!

- То есть вчера вы с ним в очередной раз поругались, и ты решил что-то ему доказать, - заключила я. - Еще небось и сел на новый мотоцикл?

Сергея скривился.

- На старый. Только оказалось, что отец категорически запретил его чинить, а я не посмотрел, что тормоза не до конца отлажены.

- Очень неумно с твоей стороны. Я, конечно, так себе психолог, но на твоём месте нашла бы другой способ убедить отца в нелепости его предрассудков. У тебя когда ближайшие соревнования начнутся?

- В середине января. А что? - настороженно спросил вампир.

- Серьезные соревнования?

- Кубок России. Мой первый.

- Замечательно. Подари родителям два билета в центральную ложу.

- Да ну! Так отец туда и пойдет! - отмахнулся Сережка и взялся за колеса, намереваясь отъехать от окна. - Он, как увидит, тут же в мусор их вышвырнет и велит больше не показывать.

- А ты поймай его на слабо, - посоветовала я. - Пospорь, побейся об заклад... пообещай, что, если он придет, ты навсегда завяжешь с мотофрестайлом.

Вампир вздрогнул.

- Да ни за что на свете!

- Пообещай, - настойчиво повторила я. - Только потом будь добр выиграть эти чертовы соревнования. Придумай такой трюк, чтобы стадион тебе аплодировал стоя и скандировал на все лады твое родовое имя. Сумеешь - тебе не придется отказываться от любимого занятия. Не сумеешь... значит, сам дурак.

Сергея поднял на меня светло-голубые глаза, которые, как и светлые волосы, могли принадлежать лишь чистокровному вампиру, и недоверчиво переспросил:

- Думаете, сработает?

Я усмехнулась:

- После нескольких тысячелетий пребывания в подземельях вампиры всего за сто лет сумели пересмотреть свои взгляды на мир. Твой отец не дурак. Он понимает, что вы, как вид, должны развиваться. Так почему бы не напомнить ему, что спорт - это не только азарт, но еще и бизнес? Который к тому же не до конца успели подмять под себя оборотни?

Я выжидательно посмотрела на Сергея, и тот всерьез задумался.

Давнее соперничество между клыкастиками и мохнатиками недаром вошло в легенды. Просто раньше они конкурировали, так сказать, за кормовую базу. Затем, по мере внедрения в человеческое общество, мотивы нелюдей изменились. Оборотни быстро заполнили государственные, преимущественно силовые, структуры. Вампиры же создали крупнейшую в стране сеть частных банков, а заодно ударились в науку, особенно в фармацевтику. Именно их усилиями была создана синтетическая кровь. Благодаря им в России было начато изучение стволовых клеток. Именно они разрабатывали новейшие вакцины и средства от рака. Само собой, в скором времени весь фармацевтический и целый ряд смежных рынков оказались под их полным контролем. Оборотни тем временем урвали важные сырьевые базы, поэтому хрупкое равновесие между расами сохранилось, но конкуренция что ни год, то росла. Во всех отраслях. На любых уровнях. А за такую немаловажную отрасль, как спорт, вампирам имело смысл побороться.

Видимо, подумав об этом, Сергей посветлел лицом.

– Пожалуй, я найду способ, как заставить его прийти. Спасибо, Ольга Николаевна!

– Да не за что. А сейчас иди готовься, – строго велела я. – Надо тебя прооперировать до вечера, пока кость не срослась неправильно. Только крови больше не пей. Отпаивать тебя завтра будем, чтобы быстрее зажило. И после этого, я надеюсь, мы с тобой долго не увидимся.

* * *

Дежурство на этот раз выдалось бешеным: народ поступал чуть ли не каждые полчаса, три бригады хирургов и анестезиологов просто с ног сбились, переходя из одной операционной в другую. И это несмотря на то, что я взяла часть пациентов на себя. Ну а ближе к ночи, когда в приемное доставили девчонку-оборотницу после жуткой аварии, все врачи оказались заняты, и Юрию Ивановичу самому пришлось встать к операционному столу.

Как я уже говорила, чаще всего нам привозили травмы: переломы всех частей тела, которые только существовали у нелюдей, сломанные руки-ноги, ребра, носы и челюсти, выбитые зубы – к сожалению, драки в кабаках и просто на улицах случались регулярно. Обратни – существа вспыльчивые, подчас взрывоопасные, особенно если выпьют, поэтому случались и ушибы, и укусы, и рваные раны от когтей. Бесплатным приложением к ним шли дорожные происшествия, несчастные случаи, бытовые травмы. А довершали дело мелкие обращения вроде «шел-поскользнулся-упал». Все же зима, перепады температур, гололед на дорогах, а наши дорожные службы и по сей день работают кое-как.

– И все-таки ты ведьма, – сообщил коллега-травматолог уже ближе к вечеру, когда мы наконец-то доползли до ординаторской, чтобы выпить кофе и съесть парочку бутербродов. Ну, в смысле это у Игорька была пара бутербродов, а у меня – целая тарелка всяких вкусностей, включая свежие пончики, пирожки с яблоками и огромный кусок торта. – Как можно столько есть и не толстеть?!

– Магия забирает много калорий, – фыркнула я, с удовольствием уплетая сладости. – А нервы – и того больше. Кто их мне потом восстановит?

– Шефа попроси, – гоготнул коллега, которого я знала еще со студенческой скамьи и который всего три года назад пришел в нашу клинику. Невысокий, щуплый, но весьма ловко управляющийся с хирургическими инструментами ведьмак занял должность хирурга, когда я пошла на повышение. Ну а поскольку коллектив у нас маленький и все друг друга знали как облупленных, то вот так, наедине, всякие выканья и обращения по имени-отчеству были не нужны. – Он у нас мастер на все руки. Что можно – выдернет, что нельзя – отрежет.

Я снова фыркнула.

– У шефа фиг чего допросишься. Вон опять прибавку к зарплате зажал. А я же девушка... мне туфельки новые купить надо? Надо. А шубку? А сапожки из новой коллекции? А новые брюлики, наконец? Второй год хожу в одних и тех же комплектах! Для уважающей себя ведьмы это неприлично!

Игорек не сдержался и гнусно заржал.

– Мужика себе богатого заведи, вот гардеробчик и обновится! А еще лучше было бы слегка занизить притязания и начать выбирать шмотки из того, что подешевле.

Я мрачно посмотрела на него поверх коробки с тортом.

– Подешевле ты жене своей присматривать будешь... если она у тебя появится. А я уважающая себя ведьма. И размениваться на мелочи не собираюсь.

Этот тощий глист в хирургическом костюме только отмахнулся, а я пренебрежительно отвернулась.

Дурак. Рыжий, веснушчатый и не в меру языкастый дурак с никому не нужным красным дипломом. Что он вообще в жизни понимает? Хорошая ведьма должна быть умна, предусмотрительна, уверена в себе и сногшибательна во всех своих проявлениях. Рыжие волосы и зеленые глаза в наше время – дурной тон. А вот миниатюрные жгучие брюнетки всегда были в тренде. Само собой, если ведьма

умна, она и с рыжей шевелюрой найдет способ эффектно себя подать. И вообще в любом облике будет выглядеть ослепительно. Но я не любила менять подаренную природой внешность, поэтому магией пользовалась совсем чуть-чуть, свои длинные черные локоны старалась беречь. А еще частенько носила мини, любила эксперименты и давно для себя решила: если уж покупать бренды, то мировые, если выбирать украшения, то не дешевле тех, что с пятизначной цифрой на ценнике.

– Доктор Белова, вас срочно ждут в третьей операционной! – прервал наш увлекательный диалог механический голос из громкоговорителя.

Я удивленно приподняла брови.

– Кажется, шеф не справляется? – буквально сорвал с моего языка животрепещущий вопрос коллеги.

Я набросила на плечи халат и, прямо на ходу дожевывая пончик, помчалась к выходу: если Юрий Иванович просит помощи, обычно это означает, что пациент очень скоро окажется в гостях у Сан Саныча. Потому что там, где не справился наш великолепный шеф, менее опытным докторам делать нечего. Но поскольку слово «срочно» в нашем учреждении имело силу приказа, то в предоперационную я буквально влетела. Проворно выпрыгнув из туфель, влезла в обычные мягкие тапочки. Прямо на ходу нырнула в висящий в воздухе и терпеливо дожидаящийся меня чистый халат. Только после этого зашла в следующую комнату, окунула руки в дезинфицирующий раствор, затем подняла их, дожидаясь, пока магический фен их высушит. Затем левитацией подняла в воздух сложенную на столе упаковку со стерильным одноразовым халатом, так же дистанционно его распаковала. Когда он смиренно раскрылся, нырнула в рукава, подставила руки под взлетевшие в воздух перчатки из другой упаковки. И, пока завязки на халате сами завязывались на спине бантиками, надела выпорхнувшую из стерильного бокса маску.

– Юрьиваныч, звали? – запыхавшись, спросила я, забежав непосредственно в операционную.

Шеф, не отрывая взгляда от распростертого на столе тела, кивнул.

– Помоги. Не успеваю. Слишком много травм.

Я молча встала с другой стороны от пациента и обменялась взглядом с анестезиологом.

Себе в пару шеф, как всегда, выбрал Леху – симпатичного циклопа лет тридцати, который частенько у нас поддежуривал. На Руси таких раньше звали Лихо одноглазое, но Лешка был абсолютно безобидным малым, даром что умел одним взглядом увести в кому. С его талантами кома всегда была управляемой и хорошо контролируемой, так что в наркозных аппаратах мы почти не нуждались. Одно плохо – когда «наркоз» затягивался, Лешка начинал терять силы. И, судя по его сосредоточенному лицу, нынешний пациент требовал от него предельного внимания.

Вернее, пациентка. Совсем еще молоденькая, очень худенькая лисичка, по которой словно проехался тяжелый бульдозер. Обратни вообще-то крепкие ребята, сломать им даже одну кость – довольно трудоемкая задача. Однако девчонку просто смяло в лепешку, ее лицо превратилось в жуткую маску, на руки и ноги вообще было страшно смотреть. Не зря шеф уже больше часа колдовал над ее искалеченным телом, по кускам собирая его в единое целое.

Я с уважением покосилась на порхающие в воздухе инструменты.

У меня, если я в силе, обычно получалось зачаровать всего пару скальпелей, с пяток зажимов, штук десять марлевых тампонов и всего один пинцет. А Юрий Иванович одновременно успевал не просто держать в воздухе, но и ловко управлять тремя с половиной десятками всевозможных приборов. Одни делали аккуратные разрезы, другие собирали раздробленные косточки, третьи зашивали, четвертые меняли тампоны, причем не только над лицом пациентки, но буквально над каждым сантиметром ее тела! Это была колоссальная работа, глядя на которую я могла лишь молча завидовать. Но на то шеф и некромант с почти полувековым стажем, а я – всего лишь его лучшая ученица, которой до такого мастерства еще расти и расти.

– Придержи, – сухо бросил Юрий Иванович, мельком покосившись на края обширной раны на груди лисички. – Раздвинь. Отверни. Убери. Раскрой...

Я молча повиновалась, не порываясь вмешиваться в процесс. По опыту знала, каких усилий требует контроль над операцией, поэтому делала лишь то, на что шеф не считал нужным отвлекаться. Таких сложных пациентов к нам уже давно

не поступало, да и плохо это было – хоронить молодежь. Поэтому каждый из нас был готов наизнанку вывернуться, лишь бы не спускаться потом к Санычу на разбор полетов.

Над девчонкой мы в общей сложности колдовали часа три с половиной. Я безумно устала, здорово потратилась в плане магии. На Леху и вовсе было больно смотреть. Но к концу операции лисичка дышала почти ровно, кровь больше не теряла, большую часть костей мы ей выправили, а те, что все-таки разлетелись на осколки, по мере возможности собрали и заключили в магические лубки.

– Все, – устало произнес шеф, закончив с самым сложным. – Оль, зашьешь ее сама?

Я, хоть и едва стояла на ногах, кивнула и привычно перехватила управление над оставшимися инструментами. А когда некромант, пошатываясь, вышел из операционной, со смешанным чувством посмотрела на чудом выжившую девчонку.

– Везучая ты, лисичка. Сам бог велел сегодня шефу задержаться на работе, иначе мы бы тебя точно не вытянули.

Она, разумеется, не услышала и даже не почувствовала, как санитары перекадывают ее на каталку и увозят в реанимацию. Леха после этого тихонько сполз по стеночке, он был полумертвым от усталости, рубаху на нем можно было выжимать, но в глазах горело мрачное удовлетворение: мы справились. И я его отлично понимала.

Отмывшись и переодевшись, я поплелась обратно в ординаторскую, а затем по палатам – посмотреть на других наших подопечных, но, хвала небесам, остаток смены прошел спокойно. Никто не умер, никому не сделалось хуже, все, кого мы сегодня приняли, уже начали выздоравливать. В операционную меня выдернули всего один раз, где-то часа в четыре утра. И то ненадолго. Ну а с мелочами дежурные врачи прекрасно справились сами. Даже Альберта успели прооперировать, а потом Игорь закончил с Серегой, так что в ближайшие день-два и боящийся клизм оборотень, и склонный к суициду вампир должны были снова встать на ноги.

За это время я успела несколько раз провести в реанимации девочку со звучной фамилией Лисовская. Звали ее, как следовало догадаться, Алиса, а по отчеству она была Александровна. Очень типично, кстати, для мохнатиков – брать в миру говорящие фамилии, поэтому всевозможных Волковых, Медведевых, Кабановых и прочих «звериных» личностей у нас водилось в достатке.

Алисе, если верить данным из медицинской базы, недавно исполнилось восемнадцать. Она, кстати, оказалась милой девочкой. Всего через час после операции пришла в себя. Почти сразу попыталась заговорить и подняться с постели. И заметно повеселела, когда я заверила, что через пару недель она снова станет прежней. Правда, о том, что случилось на дороге, лисичка ничего сказать не смогла, поскольку разговаривать шеф ей строго-настрога запретил. Сломанную челюсть и скуловые кости нельзя было тревожить еще дня три. Да и потом, насколько я поняла из едва заметных движений век и оставшихся целыми пальцев, Алиса мало чем могла помочь следователям: она не видела машины и того, кто сбил ее на улице.

Убедившись, что с девочкой все будет в порядке, я попросила ее не грустить, а закончив дела в отделении, собралась домой. Спать. И отдыхать в грядущие выходные. Но когда я вышла из ординаторской, то обнаружила, что перед дверьми в палату реанимации топчутся два здоровенных мордovorота в одинаковых пальто, которых тщетно пытается вытолкать за дверь молоденькая медсестричка. А рядом с ними находился еще один... нет, не мордovorот, а весьма даже представительный мужчина. Рослый, ничуть не уступающий в ширине плеч телохранителям, холеный, роскошно одетый и источающий аромат власти оборотень. Судя по ауре, лис. При виде которого я вдруг вспомнила, что где-то уже слышала фамилию Лисовские, и с беспокойством поняла: появление девочки Алисы могло обернуться для клиники крупными неприятностями.

Глава 2

– Кто вы? Что вам нужно? – строго спросила я, приблизившись к посетителям. Медсестричка при виде меня с облегчением выдохнула и испарилась: бодаться с наглыми клиентами не входило в ее обязанности. Это была исключительно моя прерогатива. Ну и шефа, конечно, но его я раньше времени тревожить не буду.

Мордвороты (тоже лисы, естественно) при виде меня одновременно усмехнулись, а их хозяин не без раздражения глянул на меня сверху вниз.

– Моя фамилия Лисовский, – коротко рыкнул он. – В ваше отделение недавно поступила моя дочь. Я должен ее увидеть.

Я прищурилась.

– Я могу взглянуть на ваши документы?

Мужчина скривился, но все-таки выудил из внутреннего кармана пиджака визитку.

«Лисовский Александр Александрович, – гласила вытисненная на дорогой бумаге надпись. – Генеральный директор группы компаний “Global IT Corporation”».

Чуть ниже шли номера рабочего телефона, сотового, факса.

Вот блин. Не зря мне его морда показалась знакомой: этого нелюдя частенько показывали по телеку! Он стоял во главе одной из крупнейших российских компаний по разработке программного обеспечения, а также других сопутствующих товаров. Типа компьютеров, комплектующих, бытовой техники, производственного оборудования и фиг знает чего еще. Огромная торговая группа. Многомиллиардные обороты. У них, говорят, даже оборонка заказы делала. Так что сейчас передо мной стоял очень-очень высокий чело... то есть нелюдь, с очень большими связями и просто огромным влиянием в незнамо каких кругах.

– Теперь я могу войти? – все еще раздраженно поинтересовался лис, чуть наклонившись. Меня тут же окутало облако незнакомого, но на редкость приятного парфюма. Карие глаза оборотня чуть прищурились, сквозь темную радужку на мгновение проступила звериная желтизна. Ноздри чуть дрогнули, из глотки вырвалось бархатистое рычание. И...

И это было уже слишком.

– Нет! – отрезала я, с вызовом уставившись на склонившегося надо мной мужчину.

Он недовольно нахмурился.

– Это еще почему?

– Потому что в больницах существует такая вещь, как санитарно-эпидемиологический режим. Здесь не приемная губернатора, а хирургическое отделение, если вы не курсе. Поэтому будьте любезны выйти в коридор и подождать лечащего врача там. Я сообщу ему о вашем визите.

Оборотень пару секунд помолчал, изучая меня, как прилипшую к его ботинку жвачку. Непонимание в его глазах отчетливо боролось с раздражением. А когда раздражение все же победило, он негромко рыкнул:

– Как его зовут?

– Юрий Иванович Черный, – сухо сообщила я. – Это наш главный врач. Третий этаж. Триста шестой кабинет. Пока он не даст своего разрешения, в реанимацию я вас не пущу.

Один из бодиков все-таки не сдержался: стоило мне открыть дверь в оперблок, как амбал метнулся следом, но был немедленно отброшен защитным заклинанием.

– Шеф, она зачарована, – хмуро сообщил он, так и не сумев проникнуть внутрь.

Я недобро сузила глаза.

– Разумеется. А если вы, господа, попытаете туда войти и притащите на своих ботинках кучу бактерий, то господин Лисовский получит судебный иск. Скорее всего, не один. И с высокой степенью вероятности потеряет дочь, которой совершенно не нужен сейчас бактериальный сепсис.

Гендиректор «Global IT Corporation» ожег телохранителя ледяным взглядом, и мордovorот счел за лучшее испариться. Второй тоже долго ждать не стал и,

едва шеф отвернулся, слинял следом. Сам же господин Лисовский какое-то время холодно изучал мою физиономию. А когда мне это надоело и я собралась захлопнуть перед его носом дверь, сухо бросил:

– Подготовьте документы на перевод. Я забираю Алису из вашей клиники и перевожу ее в другое лечебное учреждение.

– Тогда вам потребуется реанимобиль и медицинское сопровождение, – так же сухо сообщила я.

– Они будут здесь через полчаса. Будьте любезны меня не задерживать, доктор... не знаю вашего имени. Но хотел бы его услышать. Хотя бы для того, чтобы сообщить вашему руководству о нарушении закона о посещении пациентов.

Ах ты козел! Еще о правах своих вспомни!

– Белова Ольга Николаевна, – оскалилась я, мысленно желая проклятому лису куда-нибудь провалиться. – Врач-хирург высшей категории, заместитель главного врача и руководитель отделения. Можете обращаться. Только, перед тем как ссылаться на какой-то закон, будьте добры сперва его изучить. И прежде чем ломиться в помещение с лечебно-охранительным режимом, снимите пальто и наденьте бахилы!

У оборотня закаменело лицо, а желтизна в глазах стала еще более явной, что свидетельствовало о стремительном приближении трансформации. Как я уже говорила, оборотням была свойственна вспыльчивость и, чего греха таить, несдержанность. Но конкретно этот лис не занял бы столь высокий пост, если бы не умел себя контролировать. Он не сорвался. Не перекинулся. Напротив, одарив меня ледяным взглядом, он отступил к выходу из отделения, а затем раздвинул тонкие губы и, показав кончики ослепительно белых клыков, бросил:

– Я тебя услышал, ведьма. Реанимобиль уже в пути, так что поторопись с документами.

Убедившись, что этот гад вышел, прямо на ходу доставая из кармана мобильник, я едва сдержалась, чтобы не грохнуть со злости дверь. Нет, это надо... умудриться всего парой фраз так меня оскорбить! Я ему что, прислуга? Рабыня?

Явился сюда, понимаешь, без приглашения, наследил, нахамил дежурной сестре да еще распоряжается, как у себя дома!

«Еще посмотрим, кто кого», – хмуро подумала я, когда лис принялся мерить шагами коридор, с кем-то разговаривая по телефону. Выглядел он при этом недовольным. В какой-то момент его лицо стало жестким, хищным, словно его что-то не устроило. А затем он снял с себя дорогое пальто, бросил на стоящий у стены стул и совсем не по-доброму оскалился.

Я аккуратно закрыла дверь и, недолго думая, отправилась в палату реанимации.

– Алиса-а... Алисочка, солнышко, ты меня слышишь? – позвала, оказавшись возле постели лисички.

Девочка приоткрыла заплывший глаз и посмотрела на меня с немим вопросом.

– Там твой отец пришел, – с виноватой улыбкой сообщила я. – Хочет тебя забрать. Ты как... готова отправиться к другому доктору?

У девчонки неожиданно глаз распахнулся полностью, несмотря на отек, а монитор, на котором отражались давление и пульс, встревоженно пискнул. Сто двадцать. Мгновенно. Лисичка дернулась, из ее разбитого рта вырвался сдавленный хрип, загипсованные почти до самых кончиков пальцы на правой руке задрожали и скрючились, словно девчонка вдруг испугалась.

– Не-е-ет... – прошептала она, умоляюще уставившись на меня единственным уцелевшим глазом, из которого вытекла горькая слезинка. – Пожалуйста... не... пускай... те...

Та-а-к.

Мой счет к лису мгновенно вырос на несколько пунктов.

Не знаю, что за отношения в этой семье и почему Алиса так боится отца, но вот теперь я ему девочку точно не отдам, пока мне не принесут постановление суда.

– Все хорошо, солнышко. Никуда ты от нас не уедешь, – пообещала я, погладив израненную щеку. Вторая была от подбородка до лба покрыла прозрачным фиксирующим составом, не дающим особо шевелить челюстью. Такой же состав был и на груди, на левой руке и на обеих ногах лисички. Но дня через два, если все сложится удачно, его можно будет постепенно снимать. А еще через неделю девочка сможет высказать свои претензии вслух. И объяснить, почему она так не хочет видеть отца.

Через пятнадцать минут я снова вышла из оперблока и, застав господина Лисовского сидящим на стульчике для посетителей – кстати, гость уже был без верхней одежды и в бахилах, как положено, – всучила ему стопку бумаг.

– Что это? – с подозрением осведомился оборотень.

– Бумаги, которые вы должны подписать, чтобы иметь возможность забрать отсюда дочь.

Лис молча сгреб документы и углубился в изучение. Но заметив, что я не уйду, пренебрежительно осведомился:

– Что-то еще?

– Нет, – холодно улыбнулась я. – Просто жду. На случай, если у вас возникнут вопросы.

Господин Лисовский недоверчиво вскинул голову, правильно расценил выражение моего лица и, заподозрив подвох, принялся быстро просматривать бумаги. Делал он это привычно, с видом человека, чье время стоит очень дорого. Буквально пробежался взглядом по строчкам договора, мгновенно вычленил самое важное и, так же быстро проанализировав информацию, принимал решения.

Правда, дойдя до списка повреждений, он явственно напрягся.

– Все настолько плохо?

– Да. Иначе я бы не настаивала на соблюдении формальностей.

– Насколько велика вероятность того, что во время перевозки Алисе станет хуже?

– Процент девяносто, – не стала скрывать я. – На данный момент она нетранспортабельна вообще. Костные мозоли даже не начали образовываться, поэтому всего одна встряска, и осколки придется соединять заново.

У лиса на лице проступило жесткое выражение.

– Я все равно заберу ее в другую клинику. Там ее ждут лучшие специалисты.

А мы, значит, так себе больничка?!

– Это ваше право, – бесстрастно отозвалась я. – Вы закончили?

Оборотень просмотрел документы до конца, поставил подпись, поднялся. Но прежде чем он протянул бумаги, за окном пару раз мяукнула сирена «Скорой».

– Машина прибыла, – ровно сообщил господин Лисовский, подчеркнуто глядя куда-то мимо.

Быстро!

Я невозмутимо кивнула. Забрала у него договор, а затем всучила ксерокопию еще одной бумаги.

Лис подозрительно прищурился, но задавать глупых вопросов не стал – просто прочитал. Там и читать-то было всего несколько торопливо отпечатанных в ворде строчек. Но, пробежав их глазами и особенно увидев внизу корявую подпись, мужчина замер. Перечитал бумагу повторно. Затем вскинул на меня неверящий взгляд и коротко выдохнул:

– Что?!

– Ваша дочь только что в письменной, не дающей повода для двойной трактовки форме отказалась и от свидания с вами, и от перевода в другую клинику. Ее полностью устраивает качество медицинского обслуживания в нашем лечебном учреждении. И поскольку даже по людским меркам Алиса считается совершеннолетней, то у меня нет оснований не прислушиваться к ее желаниям. Как и у вас, кстати. У вас еще остались ко мне вопросы?

Взглядом Лисовского можно было убивать.

– Прекрасно, – невозмутимо кивнула я и развернулась, чтобы пройти мимо. – Когда Алиса изъявит желание с вами поговорить, мы вам позвоним.

Обойдя бешено раздувающего ноздри оборотня, я направилась к лестнице – на третьем этаже у меня был свой кабинет. Но на полпути меня догнал тихий, откровенно ненавидящий голос:

– Я не хочу, чтобы моя дочь в чем-либо нуждалась. Что вам нужно? Деньги, лекарства, свежее мясо?

Я ненадолго обернулась.

– Деньгами нас обеспечивают спонсоры. Лекарств в клинике хватает, как и хороших специалистов. Что же касается мяса... у вашей дочери врожденная непереносимость сырого белка, господин Лисовский. Разве вам, как отцу, не положено об этом знать?

На холеном лице лиса проступило растерянное выражение, и это еще раз убедило меня в правильности принятого решения.

Отец, который не знает, чем именно болеет его ребенок, вряд ли достоин того, чтобы нарушать ради него негласные правила клиники. Алиса своей рукой подписала отказ от перевода. Она знала, что именно там написано: я дала ей возможность прочитать. Она плакала, но категорически отказалась увидеться с отцом. Она боялась этого человека! И я, как врач, сделаю все, чтобы эта девочка как можно дольше с ним не встречалась.

* * *

Когда я выбралась на улицу, там шел снег. Пушистый, мягкий, за прошедшие сутки он успел наместить такие сугробы, что, если бы не шваркающий лопатой дворник, к машине мне пришлось бы брести по колено в снегу.

Когда за мной закрылась дверь клиники, в стоящем у крыльца большущем серебристом джипе приоткрылось окно и оттуда выглянул еще один мордоворот. Окинув меня равнодушным взглядом, он снова поднял тонированное стекло и отвернулся.

Очередной хам. Хоть бы комплимент сделал даме. Неужто я его не заслужила? Короткая белая шубка, отороченный искусственным мехом капюшон, тонкие колготки и высокие каблуки – зимой это была моя привычная одежда. Даже при сильных морозах грех было носить толстые юбки или еще хуже – штаны. Настоящая ведьма до такого безобразия никогда не опустится. А чтобы поменьше скользить, у меня в запасе имелась пара полезных заклинаний, благодаря которым я могла спокойно дефилировать в любую погоду и при этом не чувствовать себя как корова на льду.

Хм. А «перевозка»-то уехала. И кажется, я догадываюсь, кому мог принадлежать стоящий неподалеку «гелендваген» последней модели. Вероятно, Лисовский пошел-таки наверх, к шефу, для приватного разговора. Неужели надеется, что Юрий Иванович оспорит мое решение и по каким-то причинам пропустит гостя в реанимацию?

У нас в клинике железное правило: если главврач что-то сказал, то остальные молча выполняли. Но если в его отсутствие что-то сделала или сказала я, то шеф мое решение никогда не оспаривал. И не отменял. Тем более на людях. Так что Лисовскому ничего не светило, а шефу, если он все-таки засомневается и позвонит, я объясню ситуацию. И думаю, мои аргументы покажутся ему убедительными.

Добравшись наконец до стоянки, я отыскала взглядом небольшой сугробик, внутри которого за сутки почти непрерывного снегопада скрылась моя машина, нажала кнопку на брелке и услышала из-под снега ласковое «пилик». Машинка у меня была поскромнее, чем у лиса, но серебристому «гелику» я бы и сейчас предпочла свой старенький черный «фольксваген» с милым и почти домашним

прозвищем «жук».

Когда я легонько хлопнула ладошкой по дверце, машинка встрепенулась и, отряхнувшись как собака, тихонько заурчала мотором. Из-под снега, как из-под белого покрывала, промелькнула жутковато оскалившаяся хеллоуинская тыква на капоте, а на боковых дверцах проступило изображение самой обычной метлы. Их, правда, никто из простых людей не видел – для этого требовалось обладать хоть капелькой магии или интуитивно чувствовать ее проявления, как оборотни или вампиры. Но да. Вы правы. Машинка у меня была необычной. Я все-таки ведьма. Причем ведьма современная, не гнушающаяся использовать достижения цивилизации и не считающая зазорным слегка облагородить, в некотором роде даже оживить продукт германского автопрома.

Забравшись на сиденье, я стряхнула снег с сапожек, залезла в салон уже полностью и только после этого захлопнула дверцу. Все. А теперь домой. И до самого понедельника, надеюсь, я больше не услышу ни об оборотнях, ни о вампирах, ни о господине Лисовском, который так неблагоприятно решил меня разозлить. Мы, ведьмы, создания мстительные. Так что меня ничуть не расстроила мысль, что лис сегодня раскошелился на реанимобиль и целую команду врачей. Кто они и откуда он их выкопал, меня волновало мало. Тем более было фиолетово, сколько денег ему пришлось выложить, чтобы сорвать с места полностью укомплектованный экипаж, да еще в столь сжатые сроки.

Алису он заберет из клиники только через мой труп. А если вдруг выяснится, что причина ее страха кроется в какой-нибудь гадости вроде домашнего насилия... честное слово, господин Лисовский, вы огребете с моей помощью целое море проблем. И ни ваша должность, ни ваши деньги меня не испугают.

Тихонько урча, «жучок» проворно выкатился на дорогу и устремился по заснеженной улице к дому. В салоне было тепло, сухо, едва слышно играла музыка в стареньком, но еще исправно работающем радио. Снаружи по-прежнему кружился и оседал на крышах домов снег. Украшенный в преддверии новогодних праздников город выглядел умиротворяюще. Тут и там горели разноцветные огоньки гирлянд, и это было так красиво, так уютно и по-домашнему мило, что постепенно мысли о работе выветрились из моей головы.

Признаться, я всегда любила столицу в это время года. Большой, светливый, переполненный людьми, как муравейник, город, зимой он приобретал какую-то исключительную, совершенно особую красоту. Густой снежный покров надежно

скрывал всю грязь, которая так надоедала нам осенью. Серые крыши домов становились похожими на увенчанные белыми шапками горы. Сами дома тоже преобразались. Оставшиеся без листьев деревья обрастали инеем, делая улицы необычными, сказочными. Народу на них становилось гораздо меньше, чем обычно, – в морозы пешеходы предпочитали пользоваться метро или общественным транспортом. И даже поток машин, опасаясь гололеда, двигался в это время года по дорогам гораздо аккуратнее, чем всегда.

Поскольку клиника располагалась далеко от центра, то добираться до дома надо было часа полтора. Чтобы не скучать за рулем, я включила заклинание-автопилот и, опустив козырек над рулем, придирчиво изучила свое отражение.

Ярко-красная помада, тонкие брови, аккуратные стрелки в уголках тщательно подведенных глаз – макияж, как и всегда, выглядел безупречно. Может, чересчур ярким для середины дня, но жгучим брюнеткам маленькие слабости не возбраняются. Крохотная родинка в левом уголке рта эффектно подчеркивала вызывающий цвет помады, а к темным, почти черным глазам прекрасно подходили бежевые тени.

– Би-и-ип! – вдруг яростно просигналил какой-то хам на синем «форде», которого мой «жучок» не пропустил с левой полосы.

– Правила учи, кретин, – фыркнула я, проверив работу автопилота. – У тебя помеха справа.

– Бип!

– О, да ты умеешь бибикать? Наконец-то выучил, где находится клаксон?

– БИ-И-ИП!

– Да чтоб у тебя шины квадратными стали, козел! – с чувством пожелала я, когда злополучный «форд» с яростно жестикулирующим хозяином промчался мимо, едва меня не подрезав.

Буквально через мгновение его машина подпрыгнула, опасно вильнула на дороге и, загрохотав, словно ржавое ведро, с визгом и грохотом вылетела на

тротуар. На пути ей, разумеется, попался фонарный столб, который я заметила чуть раньше. А перед ним еще и ограждения, скрытые за громадным сугробом. В него-то автохам благополучно и врезался, подняв в воздух целое облако снежной пыли.

– Ведьма-а-а... – понеслось мне вслед разъяренное.

Я удовлетворенно кивнула.

Ты прав, человечек: я ведьма. Но если бы ты мог видеть скалящуюся на моем капоте тыкву со зловеще горящими глазницами, то вряд ли посмел бы орать об этом во весь голос. Нет, мне совершенно не стыдно за свое поведение. Да, я считаю, что хамов нужно учить. Везде, в том числе и на дороге. Машину, конечно, жаль, не ее вина, что хозяин дурак, но может, в следующий раз этот торопыга не убьется сам и не угробит своего пассажира.

Заметив издали красный сигнал светофора на приближающемся перекрестке, я сосредоточилась, и вместо цифры «двадцать» на алом фоне возникла надпись «двадцать пять» уже на зеленом. Само собой, не только на этой дороге – на встрече случилось все ровным счетом наоборот. И сигналы для пешеходов тоже изменились соответственно ситуации, поэтому ни аварий, ни заторов на перекрестке не произошло. А мой «жук» вместе с попутным потоком благополучно проскочил неудобное место, где после обеда частенько случались пробки, и свернул на второстепенную дорогу.

Согласна: устраивать крохотный сбой в работе сразу нескольких светофоров довольно накладно в магическом плане. Но я сегодня устала. Разговор с лисом вымотал меня больше, чем можно было предположить, поэтому я прямо-таки мечтала поскорее вернуться домой, забраться в горячую ванну и, утопая в пене, растворить в ней, смыть с себя этот нелегкий день.

– Добро пожаловать домой, дорогая и горячо любимая Оленька, – пробормотала я примерно через час, поднявшись на последней этаж пятиэтажного дома и отперев дверь.

Квартира досталась мне от прабабки – потомственной ведьмы в стонадцатом поколении. Бабуля при жизни сумела неплохо устроиться, а после ее смерти большая часть имущества, включая жилье в центре столицы, перешла ко мне.

Денег на его содержание, конечно, уходило немало, но продавать квартиру я не стала бы ни при каких условиях. Атмосфера старинного, еще дореволюционной постройки особняка, со временем переделанного под нужды многоквартирного дома, едва уловимый запах древесины, раритетная мебель, доставшая мне почти в идеальном состоянии, – все это было овеяно теплыми воспоминаниями детства. Но я вообще любила красивые вещи. Слегка потертые, покрытые благородной патиной и хранящие неповторимый запах прожитых бок о бок с ними поколений, который не был способен перебить ни один современный дезодорант.

Жаль, что ни в одной из четырех больших комнат меня никто не ждал – держать домашних животных при моем графике было бы жестоко. Я могла целый день пропадать на работе. Иногда по двое-трое суток вообще сюда не возвращаться. Поэтому меня никто не обнял и не поцеловал на пороге, а просторная, по нынешним меркам дорогая и обставленная по моему вкусу квартира выглядела пустой и унылой. С другой стороны, никто и не предъявлял мне претензий: мол, где была? Почему так поздно? Я просто пришла, разделась, набрала ванну и, включив музыкальный центр, с блаженным вздохом забралась в горячую воду.

– Хозяйка, ты одна? – вдруг проскрипел из вентиляционной шахты надтреснутый старческий голос.

Ах да, позвольте представить: Кузьма, мой домовый.

– Угу, – кивнула я, заметив сверкнувшие за решеткой глаза, и отсалютовала прячущемуся в вентиляции Кузьке бокалом с шампанским.

– Это хорошо, – облегченно вздохнул домовый, и глаза тут же погасли. – А то от твоих ухажеров бывает много проблем.

Да, жил у меня тут в позапрошлом году один колдунишка. Средненький по силе, средненький по уму. Зато красавчик. Щедрый. Да и в постели он был неплох. Но однажды ему пришла в голову мысль, что Кузьма поутру обязан приносить ему кофе в постель... вместе с тапочками. Что мне незачем ходить на какую-то там работу. Что я должна и просто обязана с утра до ночи его ублажать, отложив в сторону свои собственные желания и потребности. Надо ли говорить, что в тот же день незадачливый колдун птичкой выпорхнул из моего окна? Хорошо еще,

что он сумел слевитировать и не забыл набросить заклинание для отвода глаз. Не то этого голозадого красавца непременно кто-нибудь снял бы на мобильный, и пришлось бы ему оправдываться потом в комиссии по нарушениям правил использования магии.

Больше я этого идиота не видела, а сейчас, лежа в ванне, мысленно недоумевала: и что я вообще в нем нашла?

Впрочем, как говаривала прабабушка, вечер – не время для сожалений. Так что я от души глотнула шампанского и, откинувшись на мягкий подголовник, всецело отдалась на волю мягкой, тихо льющейся из колонок музыки.

Глава 3

Проснувшись поутру полной сил и новых устремлений, я первым же делом щелкнула пультом и под нудное бормотание зомбящика упорхнула в ванную.

– На Ближнем Востоке вновь произошел теракт... – унылым голосом сообщила ведущая новостей.

Щелк. Я отправила ящику мысленный сигнал, и канал тут же переключился.

– В этом сезоне на юго-западе Китая вновь замечены крупные стаи красноклювых скворцов, – самозабвенно вещал по другой программе какой-то мужик. – Для этого вида птиц такое поведение типично, однако от их нашествия пострадало несколько десятков машин в центре китайского города...

Щелк.

– В ближайшие дни в столице ожидаются обильные снегопады и дальнейшее понижение температуры, – наконец сообщил что-то дельное очередной диктор. – Будьте бдительны и осторожны. А теперь к финансовым новостям. Вчера на фоне громкого скандала в крупной американской фирме «IT Pharmaseuticles», замешанной в финансовых махинациях с государственными активами, произошел существенный рост акций российской группы компаний «Global IT

Corporation». Ее генеральный директор Александр Лисовский прокомментировал ситуацию так...

Я раздраженно отмахнулась, и вместо знакомого бархатистого голоса из телика вырвались истеричные вопли какого-то рок-вокалиста.

- Дыщ! Дыщ! Дыщ, бум, бамс... а-а-а... мазафака!

Тьфу ты. Не туда переключила.

Щелк.

- И сегодня у нас в гостях присутствует представитель генерального спонсора грядущего Кубка России по мотофристайлу, один из руководителей компании «Global IT Corporation» - Александр Александрович Лисовский...

Да что ж такое?! Ни о ком другом репортажей, что ли, не успели снять?!

Щелк.

- «Все гениальное просто» - так утверждает человек, который собственным примером готов доказать, что при наличии желания и упорства любой из нас способен добраться до вершины карьерной лестницы. Здравствуйте. Меня зовут Владимир Андреев, и я ведущий программы «Карьерист», где сегодня присутствует один из вдохновителей нашей передачи, обладатель премии «За лучшие достижения в бизнесе» этого года Александр Лисовский...

Я пораженно замерла, позабыв даже о зажатой в зубах щетке, а из телика тем временем полился до отвращения знакомый голос, со знанием дела рассуждающий о проблемах современного офисного работника.

Я прямо слушала и поражалась про себя. Нет, это что-то невероятное! Как этот тип успел влезть сразу на три центральных канала?! И при этом умудрялся вещать так, словно не получил бизнес готовеньким от отца, а и впрямь поднимался с самого низа, пока наконец не занял кресло руководителя!

Раздраженно выключив зомбящик, я наскоро позавтракала и как была, в ночнушке и босиком, уселась за комп.

Ну? Какие у нас сегодня по «Яндексу» новости?

– За ночь в столице России произошло восемь ДТП. Погибших нет, четверо пострадали...

Знаю. Все они сейчас лежат у нас в отделении, выздоравливают.

– Ночью в центре столицы сгорело три автомобиля...

Ну и что? Главное, мой «жучок» не тронули. А до остальных мне дела нету.

– Вчера генеральный директор группы компаний «Global IT Corporation» Александр Лисовский провел деловую встречу с губернатором области...

– Да вы издеваетесь! – я в шоке уставилась на очередную новость. – Когда этот гад все успевает?! Он что, ночью с губернатором встречался?!

Честное слово, я вовсе не собиралась тыкать курсором на эту ссылку. И вообще, подробности жизни некоего лиса меня абсолютно не интересовали. Но чертова «мышка» внезапно заглянула, и вместо статьи на тему открытия зимней выставки в Ботаническом саду меня перебросило на совершенно другую страницу. Так что всего через миг на меня с экрана воззрилась тщательно выбритая, загорелая и отвратительно бодрая физиономия Александра Александровича Лисовского.

Здесь он хотя бы улыбался – скупое, сдержанное, но все же. И глаза у него были совсем не злыми. Идеально прямой, почти что квадратный, как в комиксах про супергероев, подбородок, аккуратно очерченные губы, жесткие складки в уголках глаз... Журналистка, которая писала статью, видимо, впечатлилась представительным оборотом, поэтому снимок вышел ярким, крупным, так что можно было рассмотреть на лице каждую черточку. И настолько удачным, что даже я не могла не признать, что мерзавец был на редкость хорош собой.

Интересно, какой цвет шерсти у его зверя?

Рыжий? Белый? Черно-бурый?

На снимке, да и в реальности тоже, у Лисовского были густые, с нарочитой небрежностью уложенные темно-каштановые волосы. Но в наш век продвинутых технологий, такой же продвинутой магии и самой обычной косметики оттенок волос на голове можно было сделать любым. Бороды и усов оборотень не носил. Рубашка на фотографии была застегнута под горло. Так что реальный оттенок его шерсти можно было узнать, лишь увидев растительность на груди. Или же в любом другом месте, которое было неудобно красить. Но скорее всего меня не поймут, если я вдруг полезу рассматривать у высокопоставленного нелюдя волосы в ушах или же прилюдно попрошу его показать подмышки.

Блин. О чем я вообще думаю?! Утром! В субботу! Сидя не одетой у экрана монитора!

– Так, пора идти на шопинг, – пробормотала я, поспешно выключая комп. – Шопинг – лучшее лекарство от проблем, так что срочно в магазин. И желательно до следующего утра никаких Лисовских больше не видеть.

Сказано – сделано.

Через час я уже подруливала к стоянке перед самым большим столичным торговым центром. А еще через три, уже расслабленная и полностью умиротворенная, тащила на себе целый ворох пакетов со всевозможными шмотками, на которые ушла почти вся ноябрьская зарплата.

Деньги я всегда тратила легко и с удовольствием, и, наверное, именно поэтому в моем кошельке они надолго не задерживались. Но накопленная на банковском счете заначка позволяла не переживать о сегодняшних тратах, которые к тому же помогли мне восстановить душевное равновесие. Единственное, до чего у меня не дошли руки, это ювелирка, но на ближайший месяц лимит удовольствий я уже исчерпала: в кошельке осталось ровно семьсот пятьдесят рублей. А с банковского счета я, установив для себя однажды некие правила, больше десяти тысяч не снимала. Более того, в оставшиеся две недели до следующего аванса я не планировала серьезных трат, так что шопинг, можно сказать, прошел успешно.

Забросив шмотки в машину, я блаженно вздохнула и вернулась обратно. Не за покупками, а чисто ради получения эстетического удовольствия. Золото и камни я, как всякая ведьма, любила, причем очень искренней, чистой любовью. И не зря. На золотые украшения лучше всего ложились заклинания. Их можно было использовать в качестве артефактов так, чтобы не привлекать внимания. Ну и сам факт того, что я могла позволить себе красивые побрякушки, делал процесс выбора не только волнующим, но и приятным.

Поднявшись на второй этаж, я долго переходила из магазина в магазин, жадно рассматривая выставленные на витринах драгоценности. Кольца, цепочки, серьги, браслеты, кулоны... от блеска камней уже рябило в глазах, а я все ходила, смотрела, мысленно примеряла и получала несказанное наслаждение от процесса, как, наверное, любая нормальная женщина. Естественно, меня интересовал не ширпотреб, а лишь исключительно дорогие, дизайнерские вещи, на которые пока не хватало сбережений. Но в душе все-таки жила надежда, что однажды я раскулачу шефа на повышение оклада и через полгодика-год все же куплю что-нибудь этакое. Что-нибудь... ну-у-у... например...

Неожиданно мой взгляд натолкнулся на потрясающей красоты комплект из кольца, сережек и колье, усыпанных рубинами и бриллиантами, и я замерла, в восторге уставившись на витрину. Потрясающе... ух, и какую же кто-то умудрился создать красоту! Век бы стояла и смотрела.

– Нравится? – негромко хмыкнул у меня за спиной подозрительно знакомый мужской голос, и я, все еще будучи не в силах оторваться, завороченно кивнула.

Еще бы не нравилось!

– Саш, это кто? – добавился к мужскому голосу еще один. Более тонкий, капризный, женский. Одновременно с этим ноздрей коснулся подозрительно знакомый аромат, и тут в моем затуманенном блеском камней мозгу что-то щелкнуло. Я резко повернулась и с выражением крайнего изумления воззрилась на нелюдя, чей образ упрямо преследовал меня все утро.

Александр Александрович Лисовский. Собственной персоной. Прямо тут, в двух шагах. Только не в строгом деловом костюме, а почему-то в джинсах, в коротком пуловере и с небрежно брошенной на предплечье спортивной курткой.

Новый образ ему определенно шел. Из крупного бизнесмена оборотень в мгновение ока превратился в элегантного хищника на отдыхе. Расслабленного, сытого, но все еще смертельно опасного.

Я поискала глазами по сторонам, но телохранителей поблизости видно не было. Зато вместо них рядом с генеральным директором одной из крупнейших российских компаний стояла миловидная, не обремененная интеллектом и совсем еще молоденькая особа в вызывающе короткой юбчонке и обтягивающей водолазке. По виду – немногим старше его восемнадцатилетней дочери. Но при этом имеющей смелость обращаться к нему по имени. Это что? У господина Лисовского нездоровая страсть к молоденьким девочкам? Даже с учетом того, что физиологически оборотни созревали довольно рано, все равно – увидеть здесь эту, с позволения сказать, «пару» было неприятно.

– Са-а-аш... ну, Саш... – снова капризно протянула оборотница, требовательно и вместе с тем заискивающе уставившись на рослого партнера снизу вверх.

– Юль, иди погуляй, – бросил на нее снисходительный взгляд лис. Сколько ему? Сорок? Вроде в статье указывали год рождения. А этой пигалице в лучшем случае двадцать. Хотя какое мне до этого дело? – Ты там, кажется, что-то себе присмотрела? Сходи, купи. Я оплачу.

Девушка – если аура не врет, тоже лисичка – восторженно взвизгнула, когда в пальцах Лисовского, как по волшебству, нарисовалась безлимитная банковская карта. После чего красотка подпрыгнула, сочно чмокнула его в щеку и, выхватив карту, устремилась в тот самый ювелирный, на пороге которого я застопорилась.

– Как дела, Ольга Николаевна? – как ни в чем не бывало поинтересовался оборотень. – Когда снова на работу?

И вот именно после этого у меня кардинально испортилось настроение.

– Всего хорошего, – сухо ответила я и развернулась, намереваясь уйти.

– Как это невежливо, госпожа заместитель главного врача, – издевательски бросил лис мне в спину. – Попрощаться до того, как соизволили поздороваться... по-моему, это моветон.

Я на мгновение обернулась и смерила скалящегося оборотня раздраженным взглядом. Чего-то он больно веселый. Ночь прошла удачно? Или его больше не заботит здоровье дочери?

– Добрый день. И счастливо оставаться, – так же сухо бросила я и, пока оборотень не надумал вякнуть что-то еще, быстро направилась в сторону эскалатора.

Надо бы Алису проведать. Как она там? Не нарушил ли кто из дежурантов моего распоряжения? Может, Лисовский такой довольный еще и потому, что втихаря сумел кинуть кому-то на лапу и его таки пропустили в реанимацию? Да нет. У нас с этим строго. Если кого поймают на взятке, Чуи уволит в тот же день. Наша клиника много лет создавала свою репутацию. Даже я на нее работала как проклятая. И чтобы кто-то из сотрудников надумал рискнуть...

«Но проверить все равно надо», – решила я, спускаясь на первый этаж торгового центра. При этом взгляд почти сразу зацепился за две крепкие фигуры возле эскалатора. При виде знакомых мордovorотов я насторожилась. Напряглась, когда телохранители Лисовского заметили меня и явственно сдвинулись, наверняка получив недвусмысленный знак сверху. Но, сойдя с эскалатора, не остановилась – много чести. А когда мой нос едва не уткнулся в грудь одного из бодиков, хмуру осведомилась:

– Какие-то проблемы?

Впрочем, даже если до этого мига проблем у них не было, то, заступив мне дорогу, они их определенно заработали. Не дожидаясь, пока хамы расступятся, я сделала неуловимый пасс рукой. Мои сережки-гвоздики в виде крохотных паучков внезапно ожили. Спрыгнули на плечи, сжимая в жвалах по бриллианту. Вокруг камней тут же образовалось по крохотному грозовому облачку. Внутри каждого отчетливо стрельнула молния. А в довершение всего прятая до поры до времени в волосах заколка-змея без предупреждения ожила и, вскинув голову, раззявила пасть с ядовитыми клыками.

При виде моего личного арсенала бодики дрогнули и не слишком охотно расступились. Я прошла мимо, до последнего ожидая подвоха. Выбралась на улицу, где, как и обещали синоптики, уже ощутимо похолодало. И только когда села в авто, позволила себе выдохнуть.

Вот же лис проклятый... вообще-то я ведьма уравновешенная, рассудительная, не буйная. И крайне редко позволяла себе совершать необдуманные поступки. Но этот оборотень действовал мне на нервы. Вчера я встретила с ним первый раз, а сегодня мне уже хочется его убить. Это, надо признать, серьезный показатель.

Может, я зря отговорила девчонку от поездки в другую больницу?

«Точно надо ее проведать», – повторила про себя я, слегка придя в себя. А затем решительно повернула ключ зажигания.

* * *

Когда я поднялась в отделение, за окном уже смеркалось, но на стуле для посетителей все равно кто-то сидел, быстро-быстро перелистывая страницы в смартфоне. Парень. Совсем еще молодой, лет пятнадцать. Взъерошенный. Одетый в спортивные штаны, водолазку и почему-то в кроссовки.

Заслышав шаги, он приподнял вихрастую голову, а затем подскочил, как подброшенный пружиной, и с надеждой уставился на меня. Крепкий, хорошо сложенный, русоволосый, кареглазый и весьма симпатичный паренек, чье лицо мне определенно кого-то напоминало.

– Ольга Николаевна? – спросил он, едва я подошла к двери. – Здравствуйте. Можно с вами поговорить?

Я остановилась.

– Слушаю.

– Меня зовут Андрей. Моя сестра лежит у вас в реанимации...

Что?! Еще один Лисовский?!

Я воззрилась на юношу с плохо скрываемым раздражением.

– Мы не пускаем посетителей в палату реанимации. По крайней мере, до тех пор, пока существует угроза жизни пациентов.

– Знаю, мне уже объяснили, поэтому я ни на чем не настаиваю, – торопливо проговорил паренек и убрал телефон в карман. – Вы просто скажите ей, что я здесь, ладно? Пусть она знает... пусть не волнуется... Спасибо.

Я поколебалась, но все же кивнула, и мальчишка, облегченно выдохнув, снова сел на стул. Правда, на этот раз Лисовский-младший сидел как на иголках. Он выглядел встревоженным, его взгляд беспокойно перебегал с меня на дверь и обратно. Однако верхней одежды при нем не было – в отличие от отца, он, похоже, знал больничные правила. И сидел тут уже давно: мокрых следов возле входа я не увидела, а значит, за ним или кто-то помыл, или же прошло несколько часов с того момента, как он сюда явился.

Так и не придя в отношении его к какому-то выводу, я толкнула дверь и, махнув рукой выглянувшей из-за стойки обеспокоенной медсестре, направилась в палату реанимации. Не в общую, где лежали самые тяжелые, а в отдельную, куда мы на время помещали тех, кому уже не требовалось находиться под круглосуточным присмотром, но и переводиться в отделение было рановато.

Алиса выглядела гораздо лучше, чем вчера: она порозовела, отек с правой половины ее лица почти спал, но зафиксированная челюсть почти не давала ей говорить. Так что при виде меня она лишь приветливо улыбнулась краешком рта.

– Привет. Ты как, солнышко?

Девочка шевельнула пальцами правой руки, где не было жесткой фиксации магическими лубками, и сложила их буквой «о». Типа о'кей, не волнуйтесь.

– Ничего не болит? – осведомилась я, глянув на монитор, а затем потянувшись к лежащей на столе истории болезни.

Так. Все, что нужно, девочка получала в полном объеме, хотя ее пребывание в клинике обходилось довольно дорого. Поскольку питаться сама она не могла, то кормили ее через капельницу. Понемногу, но круглые сутки в нее вливали питательные растворы, в том числе жизненно необходимые ей аминокислоты.

- Там к тебе брат пришел, - обронила я, внимательно отслеживая реакцию лисички.

Та удивленно замерла, моргнула свободным от фиксатора глазом. А потом вдруг так явственно улыбнулась, что у меня отлегло от сердца.

- Хочешь, я его сюда приведу? - неожиданно даже для себя предложила я.

Алиса улыбнулась еще шире и едва слышно выдохнула:

- Да!

Ободряюще ей улыбнувшись, я вернулась в коридор и, поманив пальцем подпрыгнувшего от нетерпения парня, строго на него посмотрела:

- Ты почему без бахил?

- Я в сменке, - к моему удивлению смутился Андрей Лисовский. И стал еще больше похож на отца. Только на его гораздо более мягкую и намного более приятную версию. - Но если надо, то сбегая вниз!

Я покачала головой и, открыв дверь пошире, кивнула.

- Заходи. Алиса сказала, что хочет тебя увидеть.

- А можно? - неожиданно забеспокоился брат. - Вдруг она... вдруг ей хуже станет?

- Не станет. Я буду следить. А если она утомится, ты немедленно уйдешь.

- Конечно! Сейчас! Я только сумку захвачу!

Я задержалась в коридоре, чтобы набросить на плечи мальчишки медицинский халат, и, проведя его к сестре, осталась у входа в палату. Нередко случалось, что при виде ран и горы бинтов родственники пугались, теряли присутствие духа, кому-то даже становилось плохо, и зачастую свидание оказывалось очень

коротким. Но при виде искалеченной сестры Андрей замешкался лишь на мгновение. А затем стянул со спины увесистый рюкзак, небрежно швырнул его в угол, подошел к постели и, придиричиво оглядев Алису, так же небрежно бросил:

- Ну и видок у тебя, Лиска. Вот скажи: какой трактор умудрился тебя переехать? Или ты с колеса обозрения грохнулась? Переломала по пути всю конструкцию, а потом тебя сверху железками завалило?

В глазах девчонки промелькнули слезы, но она по-прежнему улыбалась.

- Так, - деловито распорядился парень и, поискав глазами куда бы присесть, решительно подвинул к постели стул. - Раз говорить ты не можешь, то придется делать это мне. Ты как? Что-нибудь болит? Нет? А руки чувствуешь? Хочешь, я тебе персика дам? Ну нет, целый ты не заслужила... зато сок выжму. Хочешь?

Я собралась было возразить, но тут парень коснулся кончиков пальцев лисички и очень бережно их сжал.

- Давай, сестренка. Тебе нельзя долго болеть. Скоро сессия, помнишь?

Девочка тут же сникла.

- Но есть и хорошая новость: я принес тебе учебники! - радостно ухмыльнулся Андрей. - Здорово, да? Сама ты читать, конечно, не сможешь, но я могу почитать для тебя вслух! Согласна?

Я удивленно воззрилась на лисичку, но Алиса и впрямь обрадовалась.

- Она у нас жуткая зубрила, - доверительно сообщил ее брат, ненадолго обернувшись. - Прямо жить без своих книжек не может. Зачет для нее - это праздник. А экзамен вообще... вот ведь сумасшедшая, да? Ольга Николаевна, можно я немного ей почитаю?

- На кого она учится?

- Онкологом хочет стать.

– Ого, – я взглянула на будущую коллегу совсем другими глазами. – Это сложная профессия. Не каждый решится.

– Алиска у нас смелая, – кивнул Андрей. – И, что самое главное, ей нравится. Так что она сама нашла репетитора, сама подготовилась к экзаменам и сама поступила, хотя отец был категорически против.

Я нахмурилась.

– Почему это он был против?

– Быть врачом не престижно, видите ли, – фыркнул молодой лис. – А то, что Алиска с детства медициной бредила, это он из виду совершенно упустил. Но ничего. Лиска сильная. И умная. Намного умнее меня. И запоминает очень быстро... мы со всем справимся, да, сестричка?

Он вдруг хитро ей подмигнул, и девочка снова улыбнулась краешком рта.

– А отцу потом скажем, что он сам дурак. Я знаю, у тебя получится. И если Ольга Николаевна не против...

– Нет, конечно, – твердо сказала я, подходя ближе и заглядывая в лицо девочке. – Ты поправишься, солнышко. Обещаю. И экзамены свои сдашь на отлично. Какой у тебя курс?

– Второй, она на год раньше закончила школу, – ответил за сестру Андрей. А потом кивнул на тянущиеся к руке сестры трубки. – Что вы ей капаете?

– Витамины, минералы, аминокислоты...

– У нее аллергия на сырой белок! – немедленно встрепенулся молодой лис.

– Мы знаем, – против воли улыбнулась я и только после этого окончательно успокоилась на его счет. – Ее данные есть в общей базе, так что всю необходимую информацию о здоровье Алисы мы уже получили. Выздоровливать она будет недели две. Кризис уже миновал, но шевелиться ей нельзя еще три дня.

Парень тут же расслабился и, потянувшись к рюкзаку, с наигранным энтузиазмом спросил:

– Ну что, Лиска, с чего начнем? Анатомия, микробиология или нормальная физиология? У тебя впереди две недели строгого постельного режима. И горе тебе, несчастная, если за это время ты не вызубришь все до от корки до корки!

По щеке девочки скатилась крохотная слезинка, но она все еще улыбалась. Той искренней, теплой и полной благодарности улыбкой, которую можно подарить лишь очень близкому человеку.

Оставив детей одних, я, раз уж пришла, пробежалась по палатам и проверила, как поживают остальные наши пациенты. Как руководителю отделения, мне положено было знать, как ведут своих подопечных лечащие врачи. Поэтому иногда на выходных я действительно сюда забегала. И, кстати, хорошо, что сегодня тоже пришла, потому что в одной из палат обнаружила, что наш повторно прооперированный волчонок снова втихомолку пожирает принесенное кем-то сырое мясо!

Ох и получил он у меня по ушам! Отчитала несдержанного волка так, что тот стал малиновым.

– Еще раз узнаю, что нарушаешь режим, и у тебя в лечении появятся клизмы по три раза в день! – предупредила я его.

– Масляные? – непроизвольно вздрогнул бестолковый оборотень.

– Сифонные! С битым стеклом!

Покрасневший до кончиков ушей волк испуганно втянул голову в плечи.

– А может, не надо, Ольга Николаевна?

– Надо, милый. Надо, – зловеще пообещала я, взглядом прожигая в дурном мальце огромную дыру. – Простых слов, по-видимому, ты не понимаешь!

– Только отцу не говорите, ладно? – обреченно пробормотал оборотень и окончательно сник.

Балбес. Тупица. Вот как эту гору мышц с интеллектом новорожденной устрицы еще назвать?! Сказано было: НЕ ЕСТЬ после операции! Сутки! Но нет, даже после того, как его повторно зашили, все равно рот на замке удержать не может!

– В следующий раз в клинику тебя не возьмем, – уже спокойно сообщила я, поняв, что ничего до этой орясины не доходит. Он даже сейчас, говоря со мной, жадно поглядывал в сторону шмата мяса на тарелке. – Лечись где угодно и у кого угодно. Но ко мне за помощью не обращайся.

– Я больше не буду! – неожиданно всполошился Альберт. – Честное-пречестное! Зверем клянусь!

Он вдруг подскочил, схватил со стола тарелку с недоеденным ужином и протянул мне.

– Вот. Возьмите.

– Нет уж, – так же неожиданно передумала я. – Пусть лежит здесь. У тебя перед носом. Если к завтрашнему дню он останется нетронутым, так и быть, прощу. А если не утерпишь в третий раз, слово даю: больше к твоим ранам не притронусь.

У завязатого драчуна и задиры на лице проступило выражение искреннего ужаса. Как и Сережка, этот волк был в нашей клинике частым гостем. Раз в месяц-то точно его или привозили после очередной драки, или же он сам приползал, оставляя за собой кровавые следы. То нос ему сломают, то суставы вывихнут, то подстрелят, то когтями порвут... О том, где и от кого этот волк с завидной регулярностью получает криминальные травмы, я никогда не спрашивала. У нас полиция есть, вот и пускай работает. Для меня Альберт был всего лишь пациентом. И как от любого другого пациента, от него требовалось не так уж много – просто выполнять наши рекомендации.

Раз он этого не делает, значит, ни здоровье, ни мои советы ему не нужны. А с таким отношением я его без зазрения совести вытолкаю на улицу, как только буду уверенной, что он не умрет. Наши услуги и наше время понадобятся другим

нелюдям. Тем, кому не наплевать. Тем, кому это действительно нужно.

- Простите, - наконец тихо уронил волк, опустив бесстыжие глаза.

Я сухо кивнула. И только после этого ушла, оставив истекающее соком мясо на столе и отдав приказ медсестре утром обязательно его проверить.

Когда я заглянула в палату реанимации, было уже довольно поздно. Но, к моему удивлению, Андрей Лисовский по-прежнему сидел возле постели сестры и исправно зачитывал ей учебник по анатомии. Более того, у него на коленях лежал амулет-иллюзор, а над ним одна за другой мелькали довольно качественные изображения картинок из учебника.

- Не мешай им, - попросила я заглянувшую из коридору Яну, которая дежурила эти сутки. - Пусть сидят до вечера, если хотят. А если что-то останется на пищеблоке, покормите парня.

- Хорошо, Ольга Николаевна, я присмотрю, - улыбнулась оборотница-кошка, и только после этого я ушла, аккуратно прикрыв дверь в палату.

Глава 4

Вернувшись домой, я не удержалась и снова полезла в комп. Только на этот раз информацию о семье Лисовских искала уже намеренно, и поводом для этого послужил недолгий разговор с детьми.

Как выяснилось, я неправильно вспомнила дату рождения Лисовского-старшего - сейчас ему было тридцать восемь. А вот насчет карьеры, как это ни удивительно, ведущему «Карьериста» лис не соврал: придя в компанию отца в восемнадцать, Александр Александрович и впрямь начинал обычным программистом. Как он утверждал - по собственному желанию. За несколько лет прошел серьезную школу, своими собственными усилиями добился повышения. Успел жениться, обзавелся детьми. А годам к тридцати поднаторел так, что отец доверил ему руководящую должность сперва в его собственном отделе, затем перевел в руководители одной из дочерних фирм. И вот теперь, в тридцать

восемь, он стоял во главе целой группы компаний.

В отношении семейных дел информации в Сети оказалось немного. Как выяснилось, Лисовский-старший был много лет женат на женщине по имени Алина. Единственная дочь его делового партнера, была, как ни странно, обычным человеком, но, судя по фотографиям, эта женщина обладала безупречным вкусом и прекрасно дополняла более массивного и рослого мужа. Алиса, кстати, пошла именно в нее: такая же рыжеволосая и зеленоглазая, на редкость хрупкая и изящная для оборотницы. А вот Андрей, наоборот, больше походил на отца, и лишь характер ему, похоже, достался от матери.

К сожалению, четыре года назад Алина Лисовская умерла. От «тяжелой и продолжительной болезни», как скупое написали в СМИ. При виде этой фразы я искренне посочувствовала детям, потому что для нас, врачей, «долгая и продолжительная» традиционно означала только одно заболевание. И в этой связи я наконец-то поняла неистовую страсть Алисы к медицине и ее фанатичное желание стать онкологом.

О новых пассиях Лисовского-старшего СМИ почему-то молчали. Так что, если какие-то женщины и были в жизни богатого вдовца, журналисты об этом не распространялись. Думаю, что не без причины. Более того, до меня вдруг дошло, что за те два дня, что Алиса находилась в нашей клинике – напомним: дочь известного бизнесмена, пострадавшая в страшной аварии, – а ни один писака до сих пор не то что об этом не пронюхал, но даже строчки в газетах не написал!

– Н-да-а. Удивили вы меня, господин Лисовский, – пробормотала я, когда сделала новый запрос и воочию убедилась, что это действительно правда. – Даже про сгоревший автомобиль написали все кому не лень, а об Алисе – молчок. Заткнуть все до единого СМИ, да еще в такие короткие сроки – это надо было суметь.

Подумав об Алисе и невольно вспомнив о ее брате, я машинально улыбнулась. А следующим утром, бесцельно бродя по пустой квартире и продолжая упорно думать о необычном семействе, внезапно решила, что делать в воскресенье дома абсолютно нечего. Таращиться в телик было скучно, листать ленты в соцсетях лениво, валяться на диване противно. Так что я позавтракала, оделась, выскочила на мороз и, по-быстрому очистив своего верного «жука» от нападавшего за ночь снега, снова направилась в клинику.

Уже подъезжая к воротам, я с сожалением подумала, что здесь, на окраине столицы, в одном из не самых престижных районов, нашему учреждению было не место. Уровень и качество медицинской помощи, которую мы оказывали, позволял претендовать на звание одного из лучших хирургических отделений города. Но верность традициям, необходимость скрывать свое существование от простых людей делало затруднительным переезд на более престижное место. А вечная нехватка средств, о которой я умолчала в разговоре с Лисовским и которая порой доводила до иступления нашего шефа, являлась тем камнем преткновения, который не позволял нам не только переехать, но и мешал расширить спектр оказываемых услуг.

Собственно, проходя мимо забора клиники, простой человек не увидел бы ничего, кроме заснеженного пустыря на территории бывшего детского садика, вход на которую был перегорожен обычной металлической цепочкой и табличкой с надписью: «Готовится под жилищное строительство». Сколько таких пустырей было разбросано в столице, не сосчитать, поэтому сам факт их существования не вызывал ни у кого удивления. Другое дело, что, едва отвернувшись от таблички, любой прохожий мгновенно забывал, что ее видел. И конечно же, у него и мысли не возникло бы зайти на пустырь или проверить, а не осталось ли там чего можно спереть.

Собственно, сюда даже бомжи не заглядывали – заклинание отвлечения внимания надежно предохраняло нас от непрошенных гостей. Ну а то, что раз в неделю по этой дороге носились «Скорые», так о них никто из жителей не помнил. И сирен не слышал – они звучали в том узком диапазоне, которое человеческое ухо было не в силах уловить. Помимо всего прочего, от ненужного внимания клинику оберегало огромное количество разнонаправленных заклинаний и специальная техника, не позволявшая посторонним просто так проникнуть в здание, так что я не лгала студентам, когда говорила, что о нас мало кто знает.

Кому надо – знают. В том числе и особые бригады «Скорой». А для остального города нас попросту не существовало. И в этом, как считал шеф, заключалась наша главная проблема.

Когда я зашла в реанимацию, Андрей Лисовский уже был там и довольно громко, с выражением, зачитывал сестре очередную главу из учебника анатомии. От дежурной медсестры я уже знала, что парнишка вчера ушел отсюда в девять и ровно в восемь утра снова торчал под дверьми отделения. Но торчал он тихо,

скромно, не привлекая внимания. И терпеливо ждал, когда закончившая с утренними уколами медсестра заметит его и пропустит к Алисе.

Проверив мониторы и состояние повязок, с удовольствием поболтала с детьми, отметила, что отек на левой стороне лица Алисы тоже почти спал и под слегка опухшим веком уже показался симпатичный зеленый глазик, которого еще вчера не было видно из-за обширной гематомы. Говорить девочка тоже пыталась, но я посоветовала ей не спешить, поэтому большую часть времени мы общались жестами, а Андрей, если требовалось, переводил.

Вообще, как я заметила, эти двое были очень близки. Андрей понимал сестру с полуслова, порой даже с одного взгляда, был готов часами сидеть рядом, разговаривая и отвлекая от тяжелых мыслей. Он без промедления присоединился, когда я попросила его помочь сестре повернуться на бок. И без единого возражения испарился, когда пришло время для гигиенических процедур.

– Так мы полжизни с ней прожили в одной комнате, – со смешком пояснил Андрей, когда мы вышли в коридор и я решила об этом спросить. – Мама считала, что это воспитывает в детях ответственность. Само собой, она надеялась больше на Лиску, но чаще всего именно мне приходилось за ней присматривать и отмазывать у родителей! Да и сейчас еще бывает. Она ведь у меня такая ранимая!

Я только головой покачала, поражаясь про себя, как у Лисовского-старшего могли вырасти такие замечательные дети. После чего распрощалась с обоими, наскоро прошлась по отделению, убедилась, что все в порядке, и, переодевшись в обычную одежду, со спокойной душой отправилась домой.

Огромный серебристый и сверкающий на солнце «гелендваген» возле крыльца стал для меня полнейшей неожиданностью. А выбравшийся оттуда господин Лисовский и того хуже: при виде его хорошее настроение испарилось, будто его и не было. А лис, словно не заметив моей помрачневшей физиономии, скупое усмехнулся:

– Надо же... похоже вы, Ольга Николаевна, трудоголик. Даже в воскресенье ходите на работу.

– Вас это не касается, – ровно отозвалась я, аккуратно спускаясь по обледеневшей лестнице.

Лис едва заметно нахмурился.

– В вашем отделении лечится моя дочь.

– Как замечательно, что вы об этом вспомнили, – не преминула съязвить я, остановившись перед загородившим мне дорогу оборотнем и раздраженно глянув на него снизу вверх.

Эх, как же иногда плохо быть маленькой! Даже высокие шпильки не позволяли смотреть на этого амбала прямо!

– Что вы хотите этим сказать? – еще больше нахмурился Лисовский-старший и, когда я собралась пройти мимо, бесцеремонно ухватил меня за локоть.

Я выдернула рукав шубы из его железных пальцев.

– Ничего особенного. Помнится, вчера состояние Алисы вас не особенно заботило. Так что я сильно удивлена, снова встретив вас здесь.

– Ведьма... – едва слышно процедил сквозь зубы лис, и его глаза снова пожелтели. – Ты переходишь всякие границы!

– Убери лапы! – прошипела в ответ я, когда он снова схватил меня за рукав. – Тут повсюду камеры видеонаблюдения. Так что в случае чего у меня будут железные доказательства для суда.

Оборотень коротко выдохнул:

– Ты что, думаешь, я не найду на тебя управы?!

– А ты считаешь, что весь мир принадлежит тебе?! – разозлилась я. А затем снова дернулась, едва не оставив в его лапище рукав. – Убери лапы, кому сказала! Алиса лечится здесь, потому что сама этого захотела! И ни ты, ни кто-либо другой не способен забрать ее отсюда без ее желания!

– Молись, чтобы она поправилась, ведьма, – тихо, угрожающе рыкнул оборотень и наконец отступил в сторону.

Я одарила его презрительным взглядом.

– Для Алисы я и так сделаю все, что смогу, лис. Она этого заслуживает. А вот тебе, к счастью, я ничего не должна. Так что, будь добр, не провоцируй.

У оборотня раздраженно дернулась верхняя губа, продемонстрировав прекрасно сохранившийся звериный клык. Но меня это уже не волновало: отвернувшись, я обогнула неудобно поставленную машину, прошла на стоянку, забралась в свой «жук». Но, трогаясь с места, со злости слишком сильно вдавила педаль газа в пол и напрочь позабыла, что по выходным никто не обрабатывает заледеневшие дороги солью. Само собой, при излишне резком развороте меня занесло. И надо же было такому случиться, что на пути потерявшей управление машины оказался серебристый «гелендваген».

Визг тормозов. Хруст снега под шипованной резиной. Мой испуганный вопль. Удивленные глаза мордворота за рулем дорогого джипа.

Всего один миг, и мой «жук» на полном ходу врезался в представительскую тачку генерального директора группы компаний «Global IT Corporation». Причем врезался плохо, смяв ему передний бампер, изуродовав крыло и разбив переднюю фару. Но самое ужасное, что, когда я пришла в себя и выбралась из покоруженной машины, совсем рядом прозвучал до отвращения спокойный, полный скрытой насмешки голос:

– Ничего не должна? Очень интересное заявление. Обсудим твои слова, ведьма, или сразу вызовем полицию?

* * *

Домой я вернулась поздно и в таком бешенстве, что выглянувший из вентиляции Кузьма при виде левитирующих на кухне ножей счел за лучшее на глаза не показываться.

Да, я была зла. На собственную оплошность, на нелепое стечение обстоятельств, на отчего-то не сработавшее заклинание на покрышках, на то, что на время мой «жук» вышел из строя и теперь будет скучать на стоянке перед домом, пока я не накоплю денег на ремонт. Но особенно я была зла на проклятого оборотня, которого эта авария ничуть не огорчила. И который прямо там, у больницы, осмелился предложить мне обсудить сложившуюся ситуацию! Да не абы где, а за ужином! Сегодня! В девять! В одном из самых дорогих столичных ресторанов, где я со своей зарплатой могла скромно поужинать в лучшем случае раз в год, а у этого хвостатого был заказан постоянный столик!

– Да чтоб у него все колеса на трассе поотваливались! – шипела я, раздраженно роясь среди развешанных в шкафу платьев. – Чтоб ему век неприбыльные сделки заключать! Сволочь! Хам! Будущий банкрот!

Самое отвратительное, что полицию этот гад решил не вызывать. Да и зачем, посмеялся он, ведь вы, Ольга Николаевна, сами сказали, что тут есть камеры видеонаблюдения, так что при необходимости никто не помешает нам поднять запись и обратиться в дорожную инспекцию чуть позже...

Проклятье! Ну кто меня за язык тянул, а?!

Хотя у него же есть свидетель. Водила. И возможно, в машине сидел еще кто-то из телохранителей, которого я с улицы не увидела. Так что даже при отсутствии камер у лиса были все шансы содрать с меня энную сумму за ремонт. И никого не волнует, что у Лисовского, наверное, целый автопарк дорогих машин. Никому нет дела до того, что мне после всего этого еще надо будет за свои кровные делать ремонт «жука». Нет... он сказал, что готов обождать с предъявлением претензий! А для того, чтобы нам не пришлось ждать приезда сотрудника ДПС, пригласил в более уютное, как он выразился, место!

Я сорвала с вешалки маленькое черное платье и приложила к себе перед зеркалом, но поняла, что буду выглядеть в нем, как леди на свидании, и отшвырнула бесполезную тряпку в сторону: не то!

– Хозяйка, тебе помочь? – робко поинтересовался из угла домовой.

– Нет! – рявкнула я. Но быстро одумалась и уже спокойнее добавила: – Да. Прости, я сегодня злая.

– Что ты хочешь найти? – уже смелее поинтересовался Кузьма, по-прежнему не показываясь на глаза.

– Мне нужно платье для вечера.

– У тебя встреча с мужчиной?

– Да.

– С хорошим мужчиной?

– Нет, – хмуро ответила я, стоя в нижнем белье возле раскрытого шкафа. – Этот поганец меня оскорбил, потом разозлил, а сегодня окончательно выбесил. Поэтому я хочу выглядеть так, чтобы он об этом пожалел.

– Тогда надень красное, – со знанием дела посоветовал Кузьма. – То, что вчера купила. Я видел, как ты его распаковывала.

Я поморщилась.

– Оно для светских приемов. Или для театра. А мне идти в ресторан.

– Зато оно шикарное. Ты будешь смотреться в нем королевой, особенно если наденешь комплект украшений, который тебе подарил твой бывший.

Я помолчала.

Да, у того колдунишки был еще один полезный талант: он чуял природу камней и умел безошибочно определять, кому какой камень подходит. А моими камнями всегда были рубины. И когда два года назад красивый парень вдруг расщедрился на дорогую, да еще и специально зачарованный под меня комплект, я... наверное, растаяла? Мне почему-то показалось, что из простой симпатии такие подарки мужчина дарить не станет, и поэтому решила рискнуть. Какое-то время упорно закрывала глаза на мелкие его недостатки. Со многим смирилась, к чему-то приспособилась, простила, хотя мне это обычно несвойственно. Я даже поверила ему, представляете? И всего через полгода

после знакомства рискнула впустить в дом постороннего человека в надежде, что тот отнесется к этому жесту доверия соответственно...

Но он не понял. Не оценил. Он решил, что теперь я всецело принадлежу ему, как самая обычная вещь, и совершил непростительную ошибку – посмел посягнуть на мою свободу. И вот с тех пор он живет один, старается держаться от меня подальше. А я с того времени дважды сменила гардероб, решила отрастить длинные волосы, получила новую должность... и в общем-то горя не знала, пока на моем пути не появился проклятый лис.

В ресторан я поехала на машине. Да, на побитой, но с наложенной на переднюю часть иллюзией, чтобы простые люди не оборачивались вслед и не задавали дурацких вопросов.

Припарковалась в сторонке. Так, чтобы швейцар на входе не видел, кто именно из нее вышел. Затем вернулась к дверям пешком, тем самым удивив представительного мужичка намного больше. Назвала фамилию. Была очень любезно встречена, а затем меня со всем почтением проводили вглубь небольшого, но изысканно оформленного зала, где за накрытым столиком меня уже ждал искренне нелюбимый мной оборотень.

Кстати, даже ради вечера с леди господин Лисовский решил не изменять своим привычкам и прибыл на встречу в строгом деловом костюме. Цвет он на этот раз выбрал светло-серый, и я с раздражением отметила, что даже в этой спокойной гамме гадский лис выглядел превосходно.

Меня он, что удивительно, соизволил встретить как полагается – стоя. Наверное, правила ресторана предполагали некоторую приверженность правилам этикета. К тому же я и впрямь надела рубиновый комплект и то самое вызывающе красное платье, к которому больше часа пришлось изобретать прическу и соответствующий макияж. С ним, кстати, помог все тот же Кузьма, обладавший безупречным вкусом и редким умением подбирать цветовую гамму под мое настроение.

Сегодня я была раздражена, чуточку зла, надменна и недоступна, как настоящая королева. Я выглядела сногшибательно даже для самого престижного столичного ресторана. Неудивительно, что в мою сторону прилетело сразу несколько заинтересованных мужских и парочка завистливых

женских взглядов: красный цвет обязывал женщину поражать и блистать. И я добилась желаемого эффекта.

Тем не менее поданную оборотнем руку не приняла: много чести мохнатому, чтобы я позволила ему помочь себе присесть. Вместо этого я кивнула проводившему меня швейцару, тот, бросив недоуменный взгляд на лиса, подвинул стул и очень аккуратно помог мне устроиться, чтобы никто случайно не прищемил складки длинного платья.

– Неплохо выглядите, Ольга Николаевна, – вернувшись за стол, расщедрился на комплимент Лисовский-старший. Я, разумеется, промолчала, а он, знаком отослав болтающегося неподалеку официанта, собственноручно налил мне вина.

Вино было красным, густым, с насыщенным виноградным духом и обладало настолько тонким ароматом, что у меня невольно дрогнули ноздри. Но я не притронулась к нему. Даже когда мужчина наполнил второй бокал и жестом предложил выпить.

– Ну что? За встречу?

– Прекрасный выбор, – без улыбки кивнула я, мельком покосившись на этикетку. – Шато Мутон-Ротшильд, урожай сорок пятого... редкая вещь. Благодарю. Но я пришла не для того, чтобы побаловать вкусовые рецепторы. Что вы хотели мне предложить?

Лис, не сводя с меня задумчивого взгляда, сделал маленький глоток и, покатав вино на языке, так же задумчиво уронил:

– Вообще-то я планировал провести вечер с красивой женщиной. Но раз вы настаиваете...

Он достал из кармана пиджака незапечатанный конверт и протянул его мне.

– Ознакомьтесь.

Я неторопливо достала оттуда сложенный вчетверо счет. Конечно же, за машину. Не за визит же в ресторан! Мельком посмотрела список предстоящих

работ. Внутренне напряглась. А потом увидела итоговую сумму и помрачнела.

Сто сорок тысяч рублей!

Нет, вы слышали?! Ремонт этой дурацкой тачки обойдется в невероятные сто сорок тысяч с лишним рублей! Там что, блин, фара была из золота?! Или под краской на бампере прятался не парковочный датчик, а наборная картинка из природных бриллиантов?! Да там повреждений на два дня работы! Поменять фару, выправить крыло и перекрасить бампер! Да даже если фара была эксклюзивной... даже если такую краску могли подобрать лишь в вип-салоне «Мерседес-Бенц»!

Но сто сорок тысяч рублей! Проклятье! Это были все мои накопления!

Я усилием воли подавила подступающую панику и подняла на оборотня спокойный взгляд.

– Так что вы хотели мне предложить?

На губах мужчины мелькнула подозрительная улыбка.

– Если честно, поначалу я полагал оформить договор, по которому вы, сударыня, оплатите издержки по ремонту моего автомобиля постепенно. Равными долями. В течение... ну, скажем, полугода. Размеры вашей заработной платы я могу себе представить и полагаю, она не настолько высока, чтобы вы возместили мои потери сразу...

Вот, Юрий Иванович! Вы слышите, что про вас говорят?!

– Но потом я решил, что у этой проблемы может быть другое решение, – неожиданно усмехнулся лис и, снова взяв бокал, весело качнул его на ладони. – Ольга, как вы смотрите на изменение способа оплаты вашего долга?

Я насторожилась, но виду не подала.

– На каких условиях?

– Ну, скажем... что, если вы выплатите его не деньгами?

– Будьте любезны выражаться точнее, господин Лисовский, – ледяным тоном попросила я, внутренне подобравшись, но все еще надеясь, что это не то, о чем я подумала.

– Ну что ж. Тогда я озвучу свое желание прямо: я бы хотел купить... вас, Ольга Николаевна, – вдруг растянул губы в улыбке оборотень, заставив меня зло прищуриться. – Понимаю, что деньги небольшие, а вы себя очень дорого цените, поэтому предлагаю вам перейти в мое полное распоряжение всего на один день. Скажем, на следующую пятницу. Или четверг. Когда вам будет удобно?

Я уставилась на лиса долгим немигающим взглядом.

– Может быть, на новогоднюю ночь?

– О, это было бы чудесно, – поощрительно улыбнулся этот мерзавец, и у меня внутри все заледенело.

Это было даже не оскорбление. Уже давно никто не смел так на меня смотреть и пытаться таким образом унижить. Никто и никогда не рисковал мне сделать подобное предложение. Однако Лисовский, хоть и улыбался, был абсолютно спокоен и полностью уверен в себе. Его глаза не горели ни предвкушением, ни азартом. Они по-прежнему оставались холодными и оценивающими. Этот расчетливый сукин сын просто-напросто надо мной издевался. А еще ему, похоже, было любопытно, до какой степени бешенства он сможет меня довести и чем все в итоге закончится.

Я молча раскрыла клатч, достала оттуда банковский чек и ручку, в полном молчании вписала в чек нужную сумму и встала из-за стола. Подошла к внимательно изучающему меня снизу вверх мужчине, свернула чек трубочкой и, бросив его в бокал с вином, спокойно сообщила:

- Предложение неприемлемо.

После чего развернулась и без спешки вышла, до последнего чувствуя пристальный, буквально обжигающий кожу взгляд между лопатками.

А ровно через час на телефон пришла эсэмэска: сто сорок тысяч оказались списаны с моего банковского счета, после чего на нем осталось всего шесть несчастных рублей и шестьдесят шесть копеек.

Глава 5

На этом, как водится, неприятности не закончились. Поутру, закрыв входную дверь, я обнаружила на полу смятую квитанцию и глухо выругалась, поняв, что несколько часов назад какой-то бдительный гибэдэдэшник уволок моего поцарапанного «жука» на штраф-стоянку.

Как за что? За неправильную парковку, конечно!

Вчера, вернувшись домой в расстроенных чувствах, я только плюнула с досады, в который раз убедившись, что в воскресенье нормально припарковать машину в центре города, да еще поздно вечером, попросту нереально. Даже мне, ведьме с немалым опытом, не удалось зарезервировать для себя парковочное место! Не потому, что их не было, отнюдь! Просто, помимо меня, в старинном, но недавно отреставрированном особняке проживало немало нелюдей, и иллюзия занятого стояночного места на них не действовала!

Оборотни в этом плане были особенно толстокожи, поэтому мне не повезло дважды. Вчера наглый сосед-кот занял облюбованное мною для стоянки место. А этим утром в надежде схитрить я решила добраться на работу на такси, но вместо обычного человека за рулем оказался пожилой волк. В итоге пришлось отдать последние деньги ему – иллюзия его бы не обманула. И уже на выходе из такси я с грустью осознала, что на целых две недели оказалась без гроша в кармане.

Решительно отогнав воспоминание о вчерашнем вечере, я поднялась к себе в кабинет, переоделась и, перебирая бумаги на столе, принялась строить планы, как пережить оставшиеся до Нового года две недели.

Почему именно две недели, а не месяц? Просто декабрьскую зарплату нам обычно выплачивали до новогодних праздников, а не после, поэтому все свои кровные я получу вместе с авансом. Осталось только правильно распланировать время, и может статься, что в Новый год я войду без серьезных потерь.

Скажем, расходы на проезд можно свести к нулю, если не возвращаться после работы домой, а ночевать прямо тут, в кабинете, благо у меня возле окна стояла удобная кушетка. Насчет того, что носить, тоже вопросов нет – рабочая одежда позволяла не ломать голову над ежедневной сменой гардероба. Накинул халат – и порядок, большая часть коллег даже не догадается, что за платье на мне надето.

Помыться, уложить волосы, почистить зубы поутру – не беда. В моем кабинете, как и положено руководителю, имелась уборная и даже душевая, так что с гигиеной трудностей не предвиделось. Одежду и белье я прихватила с собой... немного, конечно, потому что большая сумка вызовет подозрения, а с пространственной магией я не в ладах. Все необходимое постираю и почищу магией. Украшения, если будет нужно, сниму. Наложу иллюзию. Скажу разок-другой, что забыла. А сменной обуви я хранила в шкафу достаточно, чтобы каждый день хоть чуточку, но менять свой образ.

Так. Теперь с едой... допустим, я попрошусь на пищеблок, где уже много лет царствовала наш бессменный повар тетя Галя, которая голодной меня уж точно не оставит. Ежедневный диетический супчик, горячая каша, макароны, компот – с голоду я не помру. А вот со сладостями дела обстояли хуже. Игорек – Игорь Васильевич то есть, зря насмехался: сахар и шоколад – две чрезвычайно важные добавки в рационе любого мага, поскольку продукты с высоким содержанием глюкозы спасали нас от магического истощения и позволяли быстрее восстанавливаться.

Для такого темпа магических затрат, какие ожидали меня в грядущий четверг, супчиков и каш будет явно недостаточно. И даже сладкий компот не исправит положения. А значит, за ближайшие четыре дня мне кровь из носу нужно будет найти способ запастись сладостями перед дежурством.

– Ну что, доброе утро, коллеги, – бодро возвестила я, заходя в ординаторскую.

Какие бы ни были у меня проблемы, другим докторам знать о них было необязательно. Поэтому я, как всегда, вошла к собравшемуся на пятиминутку персоналу с улыбкой на лице и намеревалась сделать все, чтобы никто из них не догадался, насколько сложные мне предстояли дни. Я все же женщина, хоть и ведьма. И гордость у меня тоже есть. Так что справлюсь, выдержу, а проклятый оборотень пускай катится в бездну, потому что я, как и сказала намереди, абсолютно ничего ему не должна.

Приняв отчет у дежурного врача и обсудив с коллегами график операций на предстоящие дни, я сделала с ними общий обход, проверила всех наших пациентов. Скупо похвалила Альберта за нетронутое с субботы мясо. И приятно удивилась, обнаружив, что поутру Игорь успел снять с Сереги гипс, а радостно ухмыляющийся вампир уже дефилировал по палате на двух костылях.

– Выписывайте меня поскорее, – заявил он, как только я поинтересовалась его самочувствием. – У меня дел невпроворот... отец скоро машину пришлет, а гимнастику для мышц я смогу делать и дома.

Я вопросительно приподняла бровь, но вампир лишь заговорщицки подмигнул. Из чего я поняла, что Сережка воспользовался моим советом, и для этого ему даже ходить никуда не понадобилось: он просто взял телефон и позвонил.

– Ладно, оформляйте выписку, Игорь Васильевич, – разрешила я, глянув на свежий рентгеновский снимок. – Кость почти в порядке, смещения нет, костная мозоль развивается правильно. Сереж, но через неделю надо будет прийти на прием и сделать еще один снимок.

– Да нет проблем!

– Тогда до свидания.

Здоровяка Альберта я тоже разрешила отпустить под честное слово, что он вскоре явится на осмотр. Волк не возражал: больничная диета была ему не по нраву, и если бы не друзья, которые что ни день снабжали раненого волка свежим мясом, он бы и вовсе сбежал.

Переходя из палаты в палату, я привычно раздавала распоряжения, все еще чувствуя иногда дискомфорт от того, что мне не приходилось вести больных самой. Заведующий выполняет больше функцию контроля за отделением. Решает текущие проблемы. Занимается самыми сложными пациентами. Советует. Консультирует. Помогает. Но все остальное, включая оформление бумажек, доктора делают без моего участия. И это, конечно, правильно, хотя по-прежнему непривычно.

Когда мы проходили с коллегами мимо клизменной, внутри снова раздался какой-то шум, грохот опрокинутого ведра и увещающий женский голос.

– Олег Владимирович... Олег Владимирович, немедленно слезьте с подоконника и верните на место швабру!

– Врешь! Не пройдешь! – отчаянно вскрикнул изнутри совсем еще юный мальчишеский голос, а параллельно с ним послышалось эротичное:

– Здравствуйте. Вас приветствует бюро современных маготехнологий...

Я вопросительно уставилась на докторов.

– Плановая операция, сегодня на девять. Олег Медведев. Паховая грыжа.

Ну, все ясно. Очередной мохнатый дуралей, который почему-то решил, что над ним совершают насилие.

Я распахнула дверь клизменной и скептически уставилась на стоящего на подоконнике полуголого, волосатого и очень мускулистого оборотня, воинственно размахивающего шваброй в попытках отогнать от себя порхающую рядом клизму.

– Пошла вон, гадина! Живым не дамся!

– Олег Владимирович, – с укором повторила постовая медсестра Инна, без особого удивления глядя на молодого медведя. – Ну что вы как маленький? Нельзя же быть таким диким!

– Нельзя приличным людям засовывать во всякие интимные места эту штуку! – непримиримо рыкнул паренек, оскалив очень даже приличные зубки.

Господи! Совсем еще сопляк. Ну неужели никто не мог объяснить ему процедуру подготовки к операции?! А что будет, когда он узнает, что его еще и побрить придется?

– Медведев! – рявкнула я с порога, устав день изо дня наблюдать подобную картину. – Слезь с подоконника! Живо!

Вот командный тон оборотни понимали прекрасно. Удивленно воззрившись на меня, медведь в последний раз отмахнулся от настойчиво лезущей ему в лицо клизмы (видимо, засбоила от предыдущего удара и перепутала отверстия), а затем неуверенно рыкнул:

– Вы кто?

– Смерть в белом халате! Живо слез на пол, я сказала! Лег на кушетку! На левый бок! Ну!

Здоровенный пацан, которому вряд ли исполнилось больше тринадцати, помялся, зыркнул по сторонам, но все-таки перестал ломать пластиковый подоконник. Недовольно сопя и кряхтя, он взобрался на оказавшуюся для него узкой, жалобно скрипящую кушетку. Неловко повернулся на бок и замер.

– Штаны спусти, – приказала я, ничуть не смутившись. – Ноги в коленях согни. Не двигайся.

Он покраснел, но все же послушался. После чего я повелительно махнула Инне, вышла в коридор и, прежде чем закрыть за ней дверь, еще раз велела:

– Лежи тихо!

Оборотень только обреченно вздохнул. А чуть позже изнутри раздался тихий свист, почти радостное и немного торжественное «чмок», а следом возмущенное «уй!», но дело было сделано.

– И как у вас это получается, Ольга Николаевна? – пробормотала Инна, отойдя от двери и удивленно покачав головой. – С ним уже и Владимир Иванович говорил, и я объясняла, и Яна два раза подходила... а у вас он сразу раз – и как шелковый!

Я пожала плечами и отвернулась.

Ничего особенного. Опыт.оборотни, кстати, тем и хороши, что нутром чувт того, кто сильнее, а впитанная с молоком матери привычка подчиняться вожаку делала все остальное. Не знаю почему, но для мохнатых я всегда была в авторитете. И мне не составляло большого труда управиться даже с самыми упертыми из них.

Ну, кроме одного-единственного случая.

Закончив обход, я вознамерилась заглянуть в реанимацию – проверить, как там наша симпатичная лисичка. Но стояло мне подойти к дверям, как оттуда буквально выскочил встрепанный Лисовский-младший, прижимая к груди большую картонную коробку.

– Простите, Ольга Николаевна. Извините. Доброе утро. Я ужасно спешу, – скороговоркой пробормотал он, едва меня не толкнув.

– На урок, что ли, опаздываешь? – догадалась я. Конечно, сегодня же понедельник, занятия начались!

– Ага! Я еще вечером заскочу, ладно?

Он промчался мимо, забрасывая за плечо рюкзак, но в последний момент вдруг остановился и хлопнул себя по лбу.

– Совсем забыл! Можно отдать это вам?

Я машинально сжала пальцы на впихнутой мне в руки коробке и так же машинально спросила:

– Что там?

– Пончики! – крикнул, уже выбегая, лис. – Кушайте на здоровье! Слишком много вчера купил, а в школу по-любому теперь не донести-и-и!

Я растерянно замерла, глядя вслед торопящемуся в школу мальчишке, а затем недоверчиво приподняла крышку, увидела внутри целую гору политых сладкой глазурью пончиков. И вдруг поймала себя на мысли, что если бы могла, то с чувством расцеловала бы этого потрясающе чуткого и внимательного к деталям парня, который, сам того не зная, спас меня от неприятностей, созданных его же собственным отцом.

* * *

Закончив с текучкой, я поднялась к себе в кабинет и взялась за бумажную работу, которую кроме меня, к сожалению, некому было сделать.

Заявка от рентгенолога на поставку нового флюорографа – старый уже на ладан дышит и только в этом месяце ломался трижды. Заявка на пленку и растворы для ее проявления. Оказывается, в декабре из-за небывалого наплыва пациентов мы слишком быстро израсходовали рентгеновскую пленку, и если не дозаказать, то на все январские праздники клиника останется без рентгена.

Вот аналогичная заявка от лаборатории. Та же ситуация с реактивами. Плюс ко всему у них накрылся клинический анализатор, и кровь двое штатных лаборантов смотрят по старинке, через микроскоп, по одному подсчитывая форменные элементы.

Непорядок. Зачем им двойная нагрузка? Значит, заявку нужно не просто подписать, а порыться на сайтах производителей в поисках подходящей аппаратуры, оценить ее параметры, нашу потребность в том или ином приборе, чтобы не заказать за бешеные деньги анализатор, не способный справиться с нашей нагрузкой или, наоборот, рассчитанный на клиники не ниже уровня областной больницы.

Ближе к обеду пришла старшая медсестра и принесла заявку на приобретение медикаментов и перевязочного материала на конец этого и весь следующий месяц. Исходя из того, сколько бинтов, марли, йода, антибиотиков и прочих вещей мы уже израсходовали, а зима еще в самом разгаре, заказывать надо

больше, чем обычно. Зимой потребность в наших услугах гораздо выше, чем летом. И это приходилось учитывать.

– Пересчитай заявку на январь с учетом нынешней ситуации, – велела я, глянув на ровные столбики цифр.

Медсестра ушла, но через час принесла заявку снова. И только убедившись, что теперь она дала правильные цифры, я забрала бумагу, подписала и отложила, чтобы потом составить отчет для шефа.

Увы. Клиника у нас была маленькой, так что держать целый штат заместителей, толпу бухгалтеров и экономистов мы себе позволить не могли. Будучи правой рукой шефа, мне приходилось заниматься в том числе и вот такими вещами, хотя окончательно заявки утверждал именно он. В плане больничных финансов он обладал более полной информацией, чем я. Вернее, только он и обладал этой информацией, самолично контролируя все доходы и расходы. А из остального штата у нас имелся лишь один-единственный бухгалтер на полставки и точно такой же «полуставочный» экономист. Всем остальным занимались мы двое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lisina_aleksandra/ved-ma-v-belom-halate

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)